

СЕКЦИЯ 3

«ПСИХОДИАГНОСТИКА И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ТИПЫ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ Козловская Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Антипина К.А.....	285
К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ У СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА Козловская Т.Н., кандидат пед наук, доцент, Буранбаева Д.В.	290
ЭТНОЦЕНТРИЗМ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ Козловская Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Воропаева П. Д.....	294
ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СЕМЬЯХ ПОВТОРНОГО БРАКА Козловская Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Гусева Д.В.....	299
РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПРИТЯЗАНИЯ В БРАКЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, СОСТОЯЩИХ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ Козловская Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Китарова А.А.	307
К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА ЧЕЛОВЕКА Козловская Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Ключникова В.П.	311
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Охотникова Т.И.....	318
ПОКОЛЕНИЕ Z: ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МОЛОДЕЖИ Филатова М.А.	323
К ПРОБЛЕМЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ Козловская Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Харина Д. В.	327
К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА КОПИНГ СТРАТЕГИЙ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ РАЗНЫМИ ЭТНИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ Ямлиханов С.Е., Епанчинцева Г.А., доктор психологических наук, доцент.....	331

ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ТИПЫ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Козловская Т.Н., к пед. н., доцент, Антипина К.А.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

В условиях современной жизни, характеризующейся высоким темпом, постоянными изменениями и различными стрессорами, многие люди сталкиваются с различными эмоциональными и психологическими трудностями. Копинг-стратегии играют важную роль в поддержании психологического здоровья и общего благополучия. Исследование различных подходов к преодолению сложных ситуаций может способствовать разработке рекомендаций для психологов и специалистов в области психического здоровья, что особенно актуально в контексте профилактики и лечения стресса, тревожности и депрессии.

Существует множество копинг-стратегий, которые могут варьироваться в зависимости от индивидуальных характеристик, культурных факторов и ситуаций. Это создает интерес для изучения их эффективности и влияния на психическое и физическое здоровье. Также существуют различные теоретические модели копинга, однако не всегда они находят свое подтверждение в эмпирических исследованиях.

Проведенные исследования по выбору преобладающим копинг-стратегиям показывают, что женщины более эмоционально реагируют на кризисные ситуации и субъективно выше оценивают силу своих переживаний. Они чаще прибегают к внешней помощи для их разрешения. Мужчины в кризисной ситуации пытаются контролировать свои эмоции, опираться в разрешении проблемы на собственные ресурсы и более решительно справляться с возникшими трудностями, не оставляя их на будущее.

Термин «копинг» (англ. coping) впервые появился в психологической литературе в 1962 г. при изучении преодоления детьми кризисов развития. Р. Лазарус в книге «Психологический стресс и процесс совладания с ним» описал копинг как стратегию совладания с тревогой и стрессом: «непрерывно меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека». В настоящее время под копинг-стратегиями понимаются осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными ситуациями, состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека.

Среди ученых в области совладания, совладающего поведения можно выделить К.А. Абульханову-Славскую, В.А. Бодрова, Л.А. Китаева – Смыка, И.М. Никольскую, Р.М. Грановскую и др.

В своем исследовании мы выделили следующую гипотезу: полоролевая идентичность влияет на выбор ведущей копинг-стратегии: для женщин характерны дистанцирование и конфронтация, а для мужчин характерна стратегия принятия ответственности.

Исследование проводилось в естественных условиях (учебные

В исследовании принимали участие 40 человек в возрасте от 18 до 22 лет.

В первую очередь было произведено разделение респондентов в соответствии с их полоролевой идентичностью, далее была проведена методика на определение ведущего типа копинг-стратегии Лазаруса.

В результате мы получили данные, которые свидетельствуют о том, что среди респондентов большее количество составляют те, у кого ведущей копинг-стратегией является принятие ответственности (7). Это говорит о том, что большинство респондентов имеют стремление к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, готовы анализировать свое поведение, искать причины актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках.

По рисунку 1 можно наблюдать процентное соотношение ведущих копинг-стратегий респондентов. На первом месте копинг-стратегия «принятие ответственности» (18%). У 15% респондентов выявлена копинг-стратегия «бегство-избегание».

Рисунок 1 – Круговая диаграмма процентного соотношения ведущей копинг-стратегии респондентов

Примечание: 18 % - принятие ответственности, 15 % - бегство-избегание, 12 % - дистанцирование, 12 % - самоконтроль, 12 % - поиск соц. поддержки, 12 % - положительная переоценка, 10 % - конфронтация, 8 % - планирование решения.

Это позволяет говорить о преодолении личностью негативных переживаний в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т.п. Следующим по значимости находится копинг-стратегии «дистанцирование», «самоконтроль», «поиск соц. поддержки», «положительная переоценка» (12 % респондентов в каждой стратегии). Менее всего выражена копинг-стратегия «планирование решения» (8% респондентов). Только 8 % респондентов проявляют анализ ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

Далее мы сравнили среднее арифметическое по каждой шкале копинг-стратегии у респондентов с полоролевой идентичностью «мужчины» (м). Результаты представлены на гистограмме.

Из рисунка 2 видно, что у респондентов ведущей копинг-стратегией является «принятие ответственности», что означает, что при умеренном использовании данная стратегия отражает стремление личности к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, готовность анализировать свое поведение, искать причины актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках. Данная стратегия относится к проблемно-ориентированным стратегиям, которые направлены на решение конкретной проблемы или изменение ситуации. Они эффективны, когда человек считает, что у него есть возможность и ресурсы влиять на ситуацию.

Далее мы сравнили среднее арифметическое по каждой шкале копинг-стратегии у респондентов с полоролевой идентичностью «женщины» (ж). Результаты представлены на гистограмме.

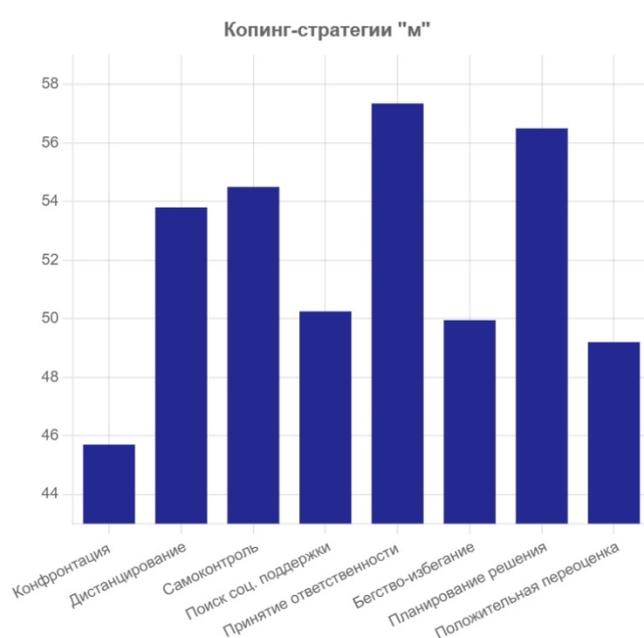

Рисунок 2 – Диаграмма процентного соотношения ведущей копинг-стратегии у респондентов «м»

Примечание: 57,35 % - принятие ответственности, 56,5 % - планирование решения, 54,5% - самоконтроль, 53,8 % - дистанцирование, 50,25 % - поиск соц. поддержки, 49,95 % - бегство-избегание, 49,2 % - положительная переоценка, 45,7 % - конфронтация.

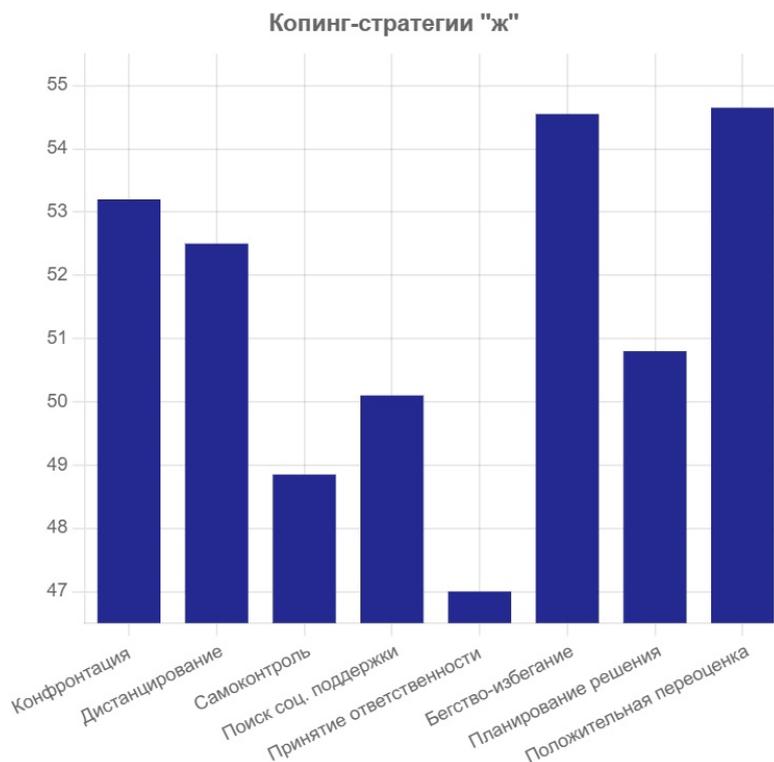

Рисунок 3 – Диаграмма процентного соотношения ведущей копинг-стратегии у респондентов «ж»

Примечание: 54,65 % - положительная переоценка, 54,55 % - бегство-избегание, 53,2 % - конфронтация, 52,5 % - дистанцирование, 50,8% - планирование решения, 50,1 % - поиск соц. поддержки, 48,85 % - самоконтроль, 47 % - принятие ответственности.

У респондентов ведущей копинг-стратегией является «положительная переоценка». Стремление использовать положительное переосмысление в ситуации негативных переживаний. Также для респондентов характерна ориентированность на надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием. Данные стратегии относятся к эмоционально-ориентированным стратегиям, которые направлены не на решение проблем, а на снижение эмоционального напряжения из-за них. В некоторых случаях ослабить напряжение, чтобы позже найти выход из сложной ситуации, бывает действительно необходимо.

С помощью U-критерия Манна-Уитни мы сравнили результаты исследования у студентов с разной полоролевой идентичностью. $U_{\text{эмп}} = 396,5$ при $\alpha = 0,05$. Гипотеза нашла свое подтверждение.

Список литературы

1 Аскарова, Г. Основные подходы к изучению копинг – стратегий в трудных жизненных ситуациях / Аскарова Г., Усманова Э.З.// Scientific progress. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-izucheniyu-koping-strategiy-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah>

2 Кумыкова, Е. В. Полоролевая идентичность внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста/ Е.В. Кумыкова // Южно-российский журнал социальных наук. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polorolevaya-identichnost-vnutrenne-nezavisimyh-zhenschin-molodogo-i-zrelogo-vozrasta>

3 Останина, Н. В. Подходы к классификации копинг-поведения в научной литературе / Н.В. Останина// Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №70-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-klassifikatsii-koping-povedeniya-v-nauchnoy-literature>

4 Рассказова, Е. И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики cope/ Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-v-strukture-deyatelnosti-i-samoregulyatsii-psihometricheskie-harakteristiki-i-vozmozhnosti-primeneniya-metodiki-cope>

5 Смирнова, О. И. Формирование полоролевой идентичности/ О.И. Смирнова// Инновационная наука. 2022. №12-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-polorolevoy-identichnosti>

6 Сухова, Е. В. Понятие "копинг-стратегии" и пример асоциальных копинг-стратегий / Е. В. Сухова // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 1. – С. 76-83.

7 Шинкарёва, Н. А., Сентемова Н. А. Феноменология полоролевой идентичности в дошкольном возрасте/ Н.А. Шинкарева, Н.А. Сентемова// The Scientific Heritage. 2018. №24-2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-polorolevoy-identichnosti-v-doshkolnom-vozraste>

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ У СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

**Козловская Т.Н., к. пед. н., доцент, Буранбаева Д.В.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В контексте межличностных связей социальная дистанция определяется как относительная "психологическая близость" индивидов, которая оказывает влияние на естественность и непринужденность их коммуникации. Коммуникативные процессы могут быть более открытыми и беспрепятственными, когда психологическая дистанция между собеседниками является минимальной [согласно Лариной, 2009].

Социально-психологическая дистанция является ключевым аспектом межличностного общения, причем ощущение близости или отдаленности в отношениях четко влияет на психологический комфорт и удовлетворенность от этих отношений.

Теория социальной дистанции предоставляет исследователям инструментарий для анализа взаимопонимания, сопереживания и уровень идентификации между индивидами. Она исследует, насколько взаимодействия окрашены стереотипными представлениями и как ролевое поведение влияет на социальные связи. Это позволяет разрабатывать комплексные методы для исследования структуры социальных отношений и групповой динамики.

Феномен социальной дистанции и эмпатии представляет собой важное поле исследований в социальной психологии, особенно в контексте академической среды, такой как университет. Социальная дистанция, интерпретируемая как уровень психологической привязанности и доступности другого человека, может существенно влиять на характер и спонтанность коммуникативных актов между студентами. Это, в свою очередь, воздействует на взаимопонимание, доверие и эффективную коллаборацию в учебной среде.

Исследование социальной дистанции укореняется в академической традиции благодаря фундаментальным трудам исследователей, оказавших значительное влияние на развитие социально-психологических дисциплин. Шкала социальной дистанции, разработанная Эмори Богардусом в 1920-х годах, стоит особняком в качестве исторически значимого инструмента. Эта шкала являлась инновационной для своего времени и дала исследователям возможность количественно оценить и сравнить уровни эмоционального приема или отторжения, проявляемые по отношению к различным социальным группам.

Развивая традиции своих предшественников, Томас Парк и Питирим Сорокин выделили значимость социальной интеграции и межгрупповых отношений в контексте урбанизации и модернизации общества, исследуя, как изменения в социальной и экономической структуре влияют на социальную коезию и дистанцию между различными культурными и этническими группами.

Современное продолжение научного диалога обязано таким ученым, как Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко, которые не только продолжили изучать социальную дистанцию, но и расширили её теоретические и практические аспекты. Их вклад проиллюстрировал важность понимания социальной дистанции не только в социологических, но и в педагогических, психологических и кросс-культурных аспектах.

Суммируя, историческое исследование социальной дистанции обогатило академическое наследие различными подходами и методами, способными выявлять сложные социальные динамики. Эти работы легли в основание современных исследований, направленных на анализ межличностных отношений и поиск путей их оптимизации, что особенно актуально для образовательных институтов и других социальных структур.

Эмпатия, как способность ощущать и понимать эмоциональное состояние другого, тесно связана с социальной дистанцией, поскольку уровень эмпатии может уменьшать психологическое пространство между индивидами и таким образом способствовать более эффективной коммуникации и взаимопониманию.

Значимость этих концепций в университетской среде не может быть недооценена, поскольку взаимодействие между студентами и преподавателями в значительной мере определяют образовательный процесс. Понимание социальной дистанции и эмпатии в этом контексте может помочь в создании более сотрудничества и сплоченности в академических сообществах, улучшая обучение и социальное взаимодействие.

Центральным предположением проводимого исследования была гипотеза о том, что у группы студентов, характеризующихся высоким уровнем эмпатии, проявление социальной дистанции во взаимоотношениях с другими людьми будет существенно меньше. Это предположение означает, что повышенная способность к эмпатии может быть связана с укреплением социальных связей и более глубоким эмоциональным пониманием окружающих.

В целях проверки данной гипотезы был организован эксперимент с участием студентов университета из Оренбурга в возрасте от 18 до 24 лет. Исследуемая выборка состояла из 30 студентов, которые были разделены на две группы по 15 человек. Одна группа выступала в роли экспериментальной, а вторая – контрольной. Разделение на группы позволяло провести сравнительный анализ и выявить возможные различия в проявлении социальной дистанции у студентов с разной степенью развития эмпатических качеств.

Для эмпирического освещения взаимосвязей между эмпатией и социальной дистанцией был применен специализированный инструментарий, разработанный В. В. Бойко, который предназначен для определения степени выраженности эмпатических качеств у индивидов. В рамках экспериментальной методики были получены данные, свидетельствующие о том, что учащиеся с повышенными значениями эмпатии демонстрировали заметно меньший уровень социальной дистанции в сравнении с их сверстниками, чьи показатели эмпатии были отмечены как низкие.

При анализе собранных данных применялся статистический метод оценки значимости различий между двумя исследуемыми группами — экспериментальной и контрольной. Статистический анализ позволил выявить наличие статистически подтвержденной корреляции, что поддержало основную гипотезу исследования. А именно, было зафиксировано, что эмпатические способности студентов обратно пропорциональны степени проявления социальной дистанции в их межличностных взаимоотношениях.

Результаты проведенного исследования предоставили весомую поддержку исходной гипотезе, согласно которой студенты с повышенными уровнями эмпатических навыков склонны минимизировать социальное дистанцирование в отношениях с другими индивидами. Это свидетельствует о тенденции таких студентов к установлению близких контактов, характеризующихся эмоциональной открытостью и готовностью к глубокому пониманию чувств и переживаний окружающих. Таким образом, принимая во внимание меньшее социальное расстояние как коррелят высоких эмпатических способностей, можно утверждать, что развитая эмпатия приводит к росту качества и близости межличностных связей среди студентов.

С точки зрения теоретической значимости, работа вносит вклад в сферу социальной психологии путём детализации понимания взаимодействия между эмпатией и социальной дистанцией у студентов университета.

В практическом аспекте выводы этого исследования могут оказать существенное влияние на разработку программ, направленных на повышение качества межличностных взаимодействий в учебной среде.

Список литературы

- 1 Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – 7-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 688 с.
- 2 Анисимова, Е. В. Эмпатия в межличностных отношениях обучающихся как фактор их психологической безопасности / Е.В. Анисимова, О.Б. Крушельницкая // Современная зарубежная психология. – 2023. – Том 12, № 3. – С. 93—102.
- 3 Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. – СПб.: Питер, 2008. – 416 с.

4 Большой психологический словарь 4-е изд., расш. / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

5 Бурлачук, Л. Ф. Психодиагностика: учеб. для вузов / Л. Ф. Бурлачук. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2010. – 380 с.

6 Вудвортс, Р. Экспериментальная психология / Р. Вудвортс. – М.: Иностранная литература, 1950. – 798 с.

7 Гайдаренко, С. М. Развитие эмпатии на разных возрастных этапах / С.М. Гайдаренко, М.А. Мартынова, А.В. Ковалева // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №66-3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-empatii-na-raznyh-vozrastnyh-etapah> (дата обращения: 13.11.2024).

8 Головей, Л. А. и др. Психология развития и возрастная психология / Л.А. Головей – 2020. – 340 с.

9 Готтсданкер, Р. Основы психологического эксперимента: учеб. пособие для вузов: пер. с англ. / Р. Готтсданкер. – М.: Академия, 2005. – 368 с.

10 Гусев, А. Н. Психологические измерения: Теория. Методы. Учебное пособие / А. Н. Гусев, И. С. Уточкин. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 320 с.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

**Козловская Т.Н., к. пед. н., доцент, Воропаева П. Д.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Во всём мире наблюдается значительное увеличение миграции населения и культурных обменов. В сегодняшних реалиях студенты учатся и общаются с представителями самых разных культур и этнических групп. В связи с этим, преодоление предубеждений и этноцентризма является одним из важнейших факторов дальнейшего взаимодействия студентов между собой, так как именно эти процессы зачастую становятся причиной социальной напряжённости, конфликтов и насилия. В наше время как никогда легко попасть под влияние негативных установок, исходящих не только от людей, но и через интернет и социальные сети, и непреднамеренно стать носителем искажённого мнения о других культурах.

Изучение склонности современных студентов к суждению о других культурах на основе собственных предубеждений позволит с психологической точки зрения выявить уровень заблуждений относительно других этнических групп, а также выяснить какие факторы способствуют их формированию и воспроизводству.

Данная исследование позволит проанализировать влияние культурного контекста, образовательного опыта и личной истории на восприятие других культур, а также выявить способы преодоления предвзятостей, что может способствовать развитию более гармоничных межкультурных отношений.

Одним из ключевых понятий в психологии межгрупповых и межэтнических отношений является этноцентризм. Этот термин был впервые введён У. Самнером в его работе «Народные обычаи» в 1906 году. Исследуя характеристики внутри- и межгрупповых взаимодействий в доиндустриальных обществах, Самнер подчёркивал, что этноцентризм, проявляясь в чувстве превосходства над другими этническими группами и в завышенной оценке собственной группы, неизбежно приводит к более негативному восприятию чужих групп, что в свою очередь вызывает отчуждение, неприязнь и враждебность в межгрупповых отношениях. Кроме того, З. Фрейд интерпретировал этноцентризм как переориентированное проявление индивидуального нарциссизма. На групповом уровне нарциссизм рассматривается как психологический механизм, который способствует сохранению этноса, перенаправляя его агрессию на внешние группы.

Согласно Самнеру, этноцентризм представляет собой универсальный и единственный возможный механизм межэтнического взаимодействия: внутри группы изначально устанавливается атмосфера сотрудничества, солидарности и единства, в то время как отношения с представителями

других групп сопровождаются проявлениями враждебности, неприятия, презрения, конкурентной борьбы [4].

В дальнейшем развитии теории этноцентризма в контексте теории социальной идентичности занимались Дж. Тернер, Р. А. Левин, И. Амир.

Исследования в области социологии межэтнического общения, расизма, которые фокусировались на изучении установок, предубеждений, стереотипов поведения этнических групп, проводили Э. Богардус (теория социальной дистанции), К. Додд (исследования межкультурной коммуникации), Т. В. Адорно (концепция авторитарной личности) и многие другие.

В отечественной науке проблемы этнической идентичности рассматривались в работах Ю. В. Бромлея, В. С. Кондратьева, А.А. Сусоколова, Б. В. Поршнева, Г. У. Солдатовой.

Общие проблемы межэтнических отношений и национального самосознания поднимались в исследованиях таких отечественных учёных, как Р. Г. Абдулатипов, В. А. Авксентьева, А. Г. Здравомыслов, Ю. А. Левада.

На сегодняшний день не в полной мере изучены немаловажные характеристики места и роли этнического сознания, такого как этноцентризм. Сравнительно мало изучен факт влияния глобализационных процессов на степень выраженности этноцентрических установок в современном обществе.

Предубеждение – одна из наиболее острых социальных проблем, существовавших на протяжении всей истории человечества и негативно влияющей на всех участников межличностного взаимодействия. Его проявления разнообразны – от избегания и разделения до дискриминации и серьёзных преступлений, таких как акты геноцида и этнические чистки.

В истории изучения понятия предубеждения можно выделить три устоявшихся позиции:

1) предубеждение как установка или же аттитюд (Н. Зайнберг, Н. И. Конюхов, Д. Майерс, Г. Олпорт) – этот подход основывается на когнитивном компоненте предубеждения;

2) предубеждение как эмоционально заряженная оценка (Г. М. Андреева, Е.П. Белинская, Т. Нельсон, А. Эшелман);

3) комплексный подход, который рассматривает предубеждение как систему, состоящую из трёх компонентов – когнитивного, эмоционального, поведенческого (Э. Баллачи, Р. Браун, П. Дэвайн).

Также современными теориями происхождения предубеждений занимались Б. Уитли, М. Кит (кросс-культурная амбивалентность), Д. Кэмпбелл (теория реального конфликта), Ф. Пратто и Д. Синданиус (теория социального доминирования), Г. Тэшфел (теория социальной идентичности).

В эмпирическом исследовании приняли участие студенты ОГУ г. Оренбург, находящиеся в одной возрастной категории (19 –21 год) и обучающиеся на одном курсе и факультете. Все участники исследования по возрастному измерению относятся к периоду взрослости. В этот жизненный

этап человек сепарируется от родителей, стремится к построению глубоких и значимых отношений с другими людьми, как в романтическом, так и в дружеском плане. Основное внимание уделяется развитию эмоциональной близости и взаимопонимания.

Согласно классификации Э. Эриксона, этот период называется молодостью и характеризуется активными поисками своего места в жизни и укреплением социальных связей. Студенты, расширяя свои социальные связи, активно взаимодействуют с новыми людьми, тем самым приобретая ценный жизненный опыт. Однако одним из барьеров, который может повлиять на межличностные отношения в этой возрастной группе, является этноцентризм. Это явление, проявляющееся в склонности оценивать другие этнические группы через призму своих собственных взглядов и установок, может как обогащать (при низком уровне этноцентризма), так и ограничивать взаимодействия студентов с разными культурными общностями (при высоком уровне этноцентризма).

К выборке предъявляются следующие требования:

1 Качественные характеристики: возрастные рамки, студенческий статус, курс, факультет, культурная принадлежность.

2 Количественные характеристики: формируется одна группа студентов из двух курсов, в количестве 30 человек. Студенты выбираются на основе их желания и готовности участвовать в эксперименте.

Дополнительные переменные: отношение студентов к эксперименту; психологические установки; мотивация испытуемых.

Ключевая дополнительная переменная: возрастные особенности испытуемых.

В нашем исследовании было выдвинуто две гипотезы:

H₀: отсутствует существенная связь между уровнями этноцентризма и предубеждениями у студентов.

H₁: существует значительная связь между уровнями этноцентризма и предубеждениями у студентов.

В эксперименте использовались 2 методики: методика измерения этноцентризма М. Г. Стадникова, шкала оценки ксенофобских установок О. Д. Гуриной.

Методика измерения этноцентризма М. Г. Стадникова состоит из 20 утверждений, на каждое из которых респондентам нужно выбрать один из пяти предложенных вариантов ответов («полностью согласен», «согласен», «трудно сказать», «не согласен», «совершенно не согласен»). Методика предназначена для выявления отношения испытуемых к различным этническим группам, выражающихся в высоком, среднем и низком уровнях этноцентризма [1, с. 7].

Шкала оценки ксенофобских установок О. Д. Гуриной включает набор из 20 утверждений, касающихся мигрантов, этнических меньшинств и культурных различий. Испытуемому нужно дать свою оценку по семибалльной шкале, где 1- «абсолютно не согласен» до 7- «абсолютно

согласен». Итоговый балл складывается на основе ответов респондента. Интерпретация результатов трактуется следующим образом: высокие оценки указывают на более выраженные ксенофобские установки [2].

Для обработки данных эксперимента был взят метод ранговой корреляции Спирмена. Обоснование выбора коэффициента корреляции Спирмена заключаются в следующем:

1 Нами был выбран непараметрический критерий (коэффициент корреляции Спирмена), так как выборка не имеет нормального распределения.

2 Коэффициент корреляции Спирмена устойчив к выбросам;

3 Для коэффициента корреляции Спирмена требуется два признака, измеренные в одной и той же группе испытуемых.

Статистическая обработка результатов эксперимента характеризуется следующими показателями:

N	Этноцентризм (А)	Ранг А	Предубеждения (В)	Ранг В	d (ранг А - ранг В)	d ²
1	49	4	24	1	3	9
2	77	27	86	27	0	0
3	66	17	27	2	15	225
4	58	9	58	18	-9	81
5	79	29	67	20	9	81
6	61	12	55	16	-4	16
7	43	3	35	3	0	0
8	68	19	99	29	-10	100
9	59	10	64	19	-9	81
10	39	2	41	5	-3	9
11	81	30	79	24	6	36
12	62	13	51	14	-1	1
13	73	24	43	6	18	324
14	78	28	50	13	15	225
15	69	20	74	23	-3	9
16	52	5	49	12	-7	49
17	74	25	45	8	17	289
18	64	15	54	15	0	0
19	57	8	87	28	-20	400
20	65	16	47	10	6	36
21	60	11	83	25.5	-14.5	210.25
22	70	21	69	22	-1	1
23	67	18	57	17	1	1
24	72	23	44	7	16	256
25	36	1	48	11	-10	100
26	63	14	46	9	5	25
27	71	22	83	25.5	-3.5	12.25
28	76	26	122	30	-4	16
29	54	6	40	4	2	4
30	56	7	68	21	-14	196
Суммы		465		465	0	2792.5

Наблюдается умеренная корреляционная связь между этноцентризмом и предубеждениями. Корреляция между переменными статистически значима, так как $r_{s(эм)} > r_{s(кр)}$ при $p=0.05$. Следовательно была принята гипотез H_1 - существует значительная связь между уровнями этноцентризма и предубеждениями у студентов. Более высокие уровни этноцентризма статистически связаны с более высокими уровнями предубеждений по отношению к другим группам.

Список литературы

1 Волкова, М. А. Методические рекомендации по курсу «Межкультурная коммуникация» для учителей / М. А. Волкова, И. И. Розов // - Санкт-Петербург. 2013. URL: https://574.spb.ru/phocadownload/Proekti/OER/kniga_uchit_9-11.pdf (дата обращения 01.10.2024)

2 Гурина, О. Д. Разработка и апробация шкалы оценки ксенофобских установок (шкала ОКУ) / О. Д. Гурина. // Психология и право, 2019. №4 URL: <https://psyttests.org/life/oku.html> (дата обращения: 01.10.2024).

3 Ениколопов, С. Н. Направления исследования предубежденности в западной психологии межгрупповых отношений / С.Н. Ениколопов, Н. В. Мешкова //Вопросы психологии: научный журнал / Российская академия образования. – Москва. - Издается с января 1955 г. – 2007. –№1. –С.148-158(За рубежом). –ISSN 0042–8841. –Библиогр.: с.156-158.

4 Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: на материале рус. и нем. лингвокультур / Л.В. Куликова; М-во образования Рос. Федерации, Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. - Красноярск: КГПУ, 2004. - 194, [1] с.: ил., табл.; 20 см.; ISBN 5-85981-090-3: 500

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СЕМЬЯХ ПОВТОРНОГО БРАКА

Козловская Т.Н., к. пед. н., доцент, Гусева Д.В.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

«Оренбургский государственный университет»

Жизненные перспективы подростков, воспитывающихся в семьях повторного брака, представляют собой комплекс факторов, который определяет качество их будущей жизни, включая образование, карьеру и личные отношения. Такие семьи могут включать в себя детей от предыдущих браков одного или обоих супругов, что создаёт уникальные семейные динамики и потенциальные уникальные проблемы.

Подростки в таких семьях могут сталкиваться с трудностями в адаптации к новым семейным условиям. Сложные отношения между сводными братьями и сестрами, а также между пасынками и мачехами или отчимами, могут влиять на их эмоциональное состояние. Им может не хватать чувства стабильности и безопасности, что критически важно в переходный период подросткового возраста. Кроме того, детям может быть трудно определить свое место в новой структуре семьи. Конфликты между родителями, раздвоенность привязанностей, неопределенность в отношении будущего могут дополнительно усложнять ситуацию и влиять на их психологическое здоровье, успехи в учебе и социальное поведение.

Согласно статистическим данным «ИЦРОН», в РФ в период с 2021 по 2023 год около 20-25 % всех браков являлись повторными. Причем, примерно в 40% таких семей проживают дети от предыдущих отношений. В зависимости от региона, эти показатели могут несколько варьироваться, отражая социально-экономические и культурные особенности каждой области. Исследования показывают, что подростки из семей второго брака в среднем на 15-20 % реже показывают высокий уровень академической успеваемости по сравнению с подростками из полных первых браков. На психологическом уровне, около 30 % таких подростков сообщают о переживаниях, связанных с недостатком внимания или эмоциональной близости.

Таким образом, успешность подростков в семьях повторного брака зависит в значительной степени от качества отношений в новой семье и способности родителей обеспечить поддержку и стабильность. Преодоление трудностей возможно с помощью корректной семейной политики, поддержки со стороны школ и общественных организаций, акцентирующих внимание на важности психологической адаптации и интеграции всех членов семьи.

Мнения авторов о жизненных перспективах подростков в семьях повторного брака разнообразны и отражают сложность и многогранность

этого социального феномена. Т.В. Андреева и Л.Б. Шнейдер особо акцентируют внимание на проблеме отчимов после развода, так как часто ребёнок остаётся с матерью. Д. Баумринд [3] выявил гендерные различия в адаптации к повторному браку матери: девочки испытывают больше трудностей по сравнению с мальчиками. Он утверждает, что ревность девочки по отношению к отчиму может вести к негативному отношению к матери, проявляясь в отказе её воспринимать, эмоциональном отдалении и, в крайних случаях, изоляции и бегстве из семьи [2].

На противоположном полюсе мнений находится М. Хетерингтон [6], который подчеркивает, что мальчики часто легче принимают отчима, видя в нём друга и защитника. Опыт проживания в разных семейных структурах также привлекает внимание. Некоторые исследователи уверены, что знакомство с разными типами семейных отношений может повлиять на дальнейшее формирование представлений о брачных союзах. Ролевая неопределённость, часто свойственная повторному браку, может стать вехой в будущем выборе партнёра.

Отдельные авторы выражают позитивное отношение к этому опыту, отмечая позитивное влияние нового взрослого в семье на психическое развитие детей. В их мнение, обогащение социального окружения может служить источником дополнительной поддержки и понимания. В целом, мнения о жизненных перспективах подростков в семейных повторных браках зависят от множества факторов, включая возраст ребёнка, его пол, пережитые семейные истории и стили воспитания [8].

Исследование Ступниковой Е.В., опубликованное в 2021 году, посвящённое изучению отношения подростков к своему телу в семьях разного типа — полных, неполных и повторнобрачных — выявило множество интересных аспектов, касающихся влияния семейной структуры на самооценку и восприятие тела. В этом исследовании приняли участие 154 подростка в возрасте 15–17 лет, среди которых было 90 девушек и 64 юноши. Участники были распределены по типам семей следующим образом: 96 подростков из полных семей, 35 подростков из неполных семей и 23 подростка из семей с повторным браком. Одной из ключевых находок исследования Ступниковой стало то, что удовлетворённость своим телом значительно варьировалась в зависимости от типа семьи. Подростки из полных семей демонстрировали более высокую удовлетворённость своим телом. В противоположность этому участники из повторнобрачных семей чаще испытывали неудовлетворённость своим телосложением и внешностью [2].

Кроме того, исследование показало, что взаимоотношения с матерью и отцом оказывают значительное влияние на отношение подростков к своему телу. В полных и неполных семьях поддержка от родителей, особенно от матери, влияла на позитивное восприятие подростками своего тела. В то время как в повторнобрачных семьях неоднозначные отношения с отчимом могли способствовать усилению чувства неудовлетворённости. В этом

контексте важно обратиться к исследованию А. А. Трубниковой [5], опубликованному в 2022 году, которое анализировало особенности отношений подростков с отчимами в семьях повторного брака. Согласно выводам исследования, отчиму чаще демонстрировали меньшую заботу и внимание к пасынкам и падчерицам по сравнению с биологическими отцами из полных семей. Подростки отмечали, что подотёчные могут уделять недостаточно времени для эмпатии, поощрения автономности и требовательности [8].

Отношения с отчимом также воспринимались подростками как менее удовлетворительные по ряду параметров, таких как мониторинг, контроль, поощрение, что неизбежно сказывалось на их психологическом состоянии и самооценке. Однако, несмотря на все эти сложности, исследование Трубниковой отмечает и позитивные аспекты повторного брака. Новый взрослый в семье может выступать как дополнительная опора для ребёнка, обеспечивая поддержку и понимание.

Интересно обратить внимание на социокультурный контекст, в который вписывается этот феномен. Согласно данным доцента кафедры прикладной социологии УрФУ Виктории Поляковой, на 2023 год в России на каждые 100 браков в среднем приходилось 70 разводов. Половина разведенных пар вступает в повторные брачные отношения, в которых также рождаются дети. В ходе социологического исследования было выявлено, что молодёжь в целом позитивно воспринимает явление повторного брака; основные мотивы для повторного брака — любовь и взаимные чувства [2]. Тем не менее, существует мнение, что новый брак может стать психологической травмой для детей. Психолог Галина Хохлова подчёркивает, что степень травматичности зависит от множества факторов, и хоть развод изменяет структуру семьи, важная функция воспитания сохраняется родителями. Отношения и поддержка между родителями и детьми остаются ключевыми аспектами, которые влияют на психологическое благополучие подростков, вне зависимости от структуры семьи, что подчеркивает многогранный и часто противоречивый характер современного семейного опыта. Психолог Галина Хохлова провела исследования ниже [9].

Из рисунка 1 видно, что 30 % семей уверены, что перспективы их ребёнка получить качественное образование являются очень высокими. Это указывает на сильную веру родителей в способности подростка и возможности современной системы образования. 40% респондентов оценивают перспективы своего ребёнка как высокие, что также отражает общую удовлетворённость образовательными возможностями и стремлениями подростка. У 25% опрошенных мнение о перспективах получения образования осталось на среднем уровне, вероятно, из-за определённых препятствий или неопределённости в будущем. Лишь 5% оценивают такие перспективы как низкие, вероятно, сталкиваясь с трудностями в обучении подростка. Очень низкие перспективы получения

качественного образования, к счастью, не были обозначены ни одной семьёй, что говорит о достаточно оптимистичном настрое участников исследования.

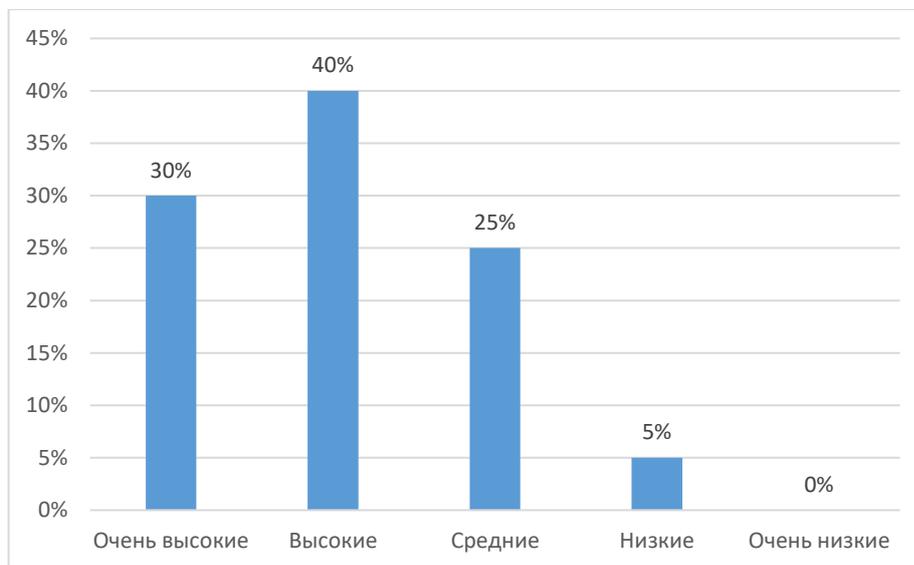

Рисунок 1 - Как вы оцениваете перспективы вашего ребёнка получить качественное образование, %

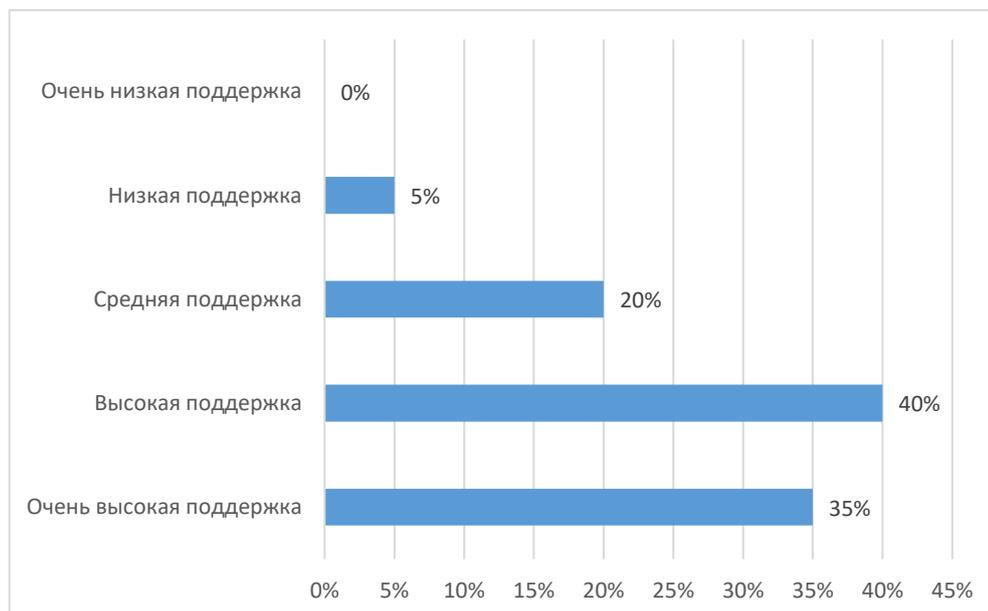

Рисунок 2 - Насколько ваш ребёнок ощущает поддержку семьи в принятии жизненно важных решений, %

Из рисунка 2 видно, что большинство опрошенных семей (35 %) считают, что их ребёнок ощущает очень высокую поддержку в принятии важных решений, что подчеркивает активное участие семьи в жизни подростков. Ещё 40 % респондентов отмечают высокую поддержку, что свидетельствует о стремлении семей помогать своим детям в переломные моменты жизни. Средний уровень поддержки был отмечен 20 % семей, что

может говорить о необходимости более глубокого взаимодействия между новыми родителями и подростками. Лишь 5 % семей указали на низкую поддержку ребёнка, что, возможно, связано с различными семейными обстоятельствами. Очень низкая поддержка не была зафиксирована, что указывает на общее желание родителей быть причастными к жизни своих детей.

Из рисунка 3 видно, что 20 % респондентов отметили, что их дети демонстрируют очень высокую уверенность в своих силах, что свидетельствует о хорошем эмоциональном состоянии подростков и прочных основах самооценки. Половина участников исследования (50 %) оценивают уверенность своих детей как высокую, что является положительным показателем в данной группе семей. Средний уровень уверенности в своих силах был указан у 20 % подростков, что подчеркивает необходимость дополнительной работы над поддержкой самооценки. 10 % опрошенных оценивают уверенность своего ребёнка как низкую, что указывает на возможные проблемы в эмоциональном или социальном плане. Ни у одного подростка, по мнению семей, уверенность не достигла очень низких показателей, что говорит о благоприятной картине в целом.

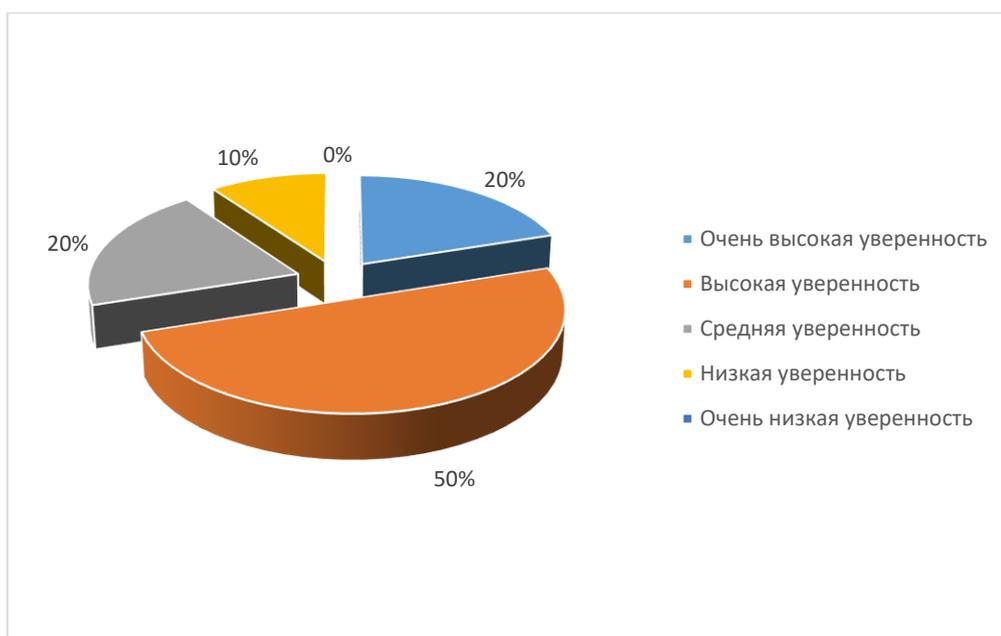

Рисунок 3 - Как вы оцениваете уверенность вашего ребёнка в своих силах и возможностях, %

Из рисунка 4 видно, что 25 % семей абсолютно уверены, что их ребёнок однозначно сможет построить успешную карьеру, проявляя твёрдую веру в его способности и амбиции. Большинство респондентов (45 %) разделяет мнение, что их дети с большой долей вероятности смогут добиться успеха в своей профессиональной жизни.

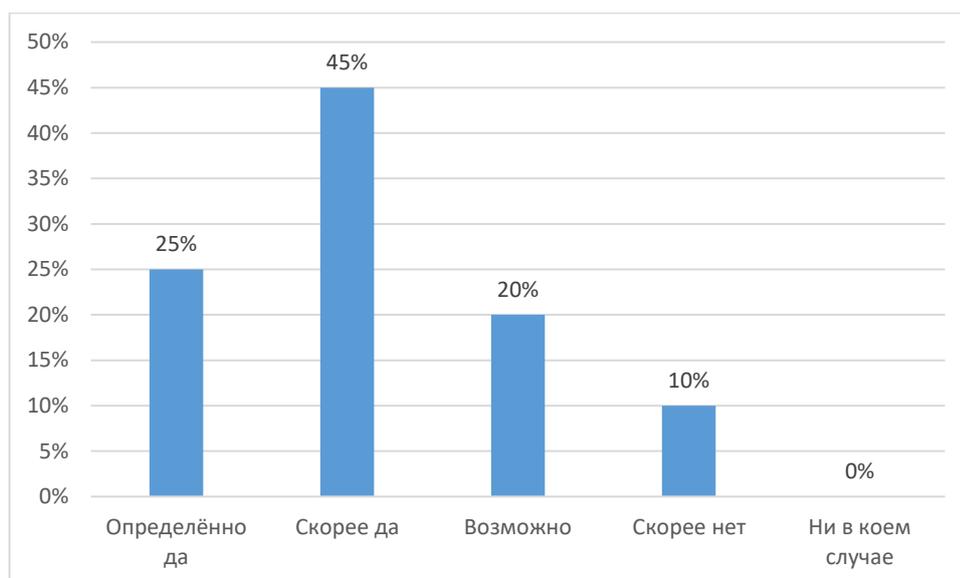

Рисунок 4 - Верите ли вы, что ваш ребёнок сможет построить успешную карьеру в будущем, %

У 20 % участников есть определённые сомнения, и они выбрали вариант «возможно», что может отражать неопределённость в выборе подростком карьерного пути. 10% семей выражают пессимизм, оценивая шансы на успех в карьере как «скорее нет», что может быть связано с текущими трудностями в развитии подростка. Вариант «ни в коем случае» не был отмечен ни одной семьёй, что демонстрирует общий позитивный настрой участников исследования.

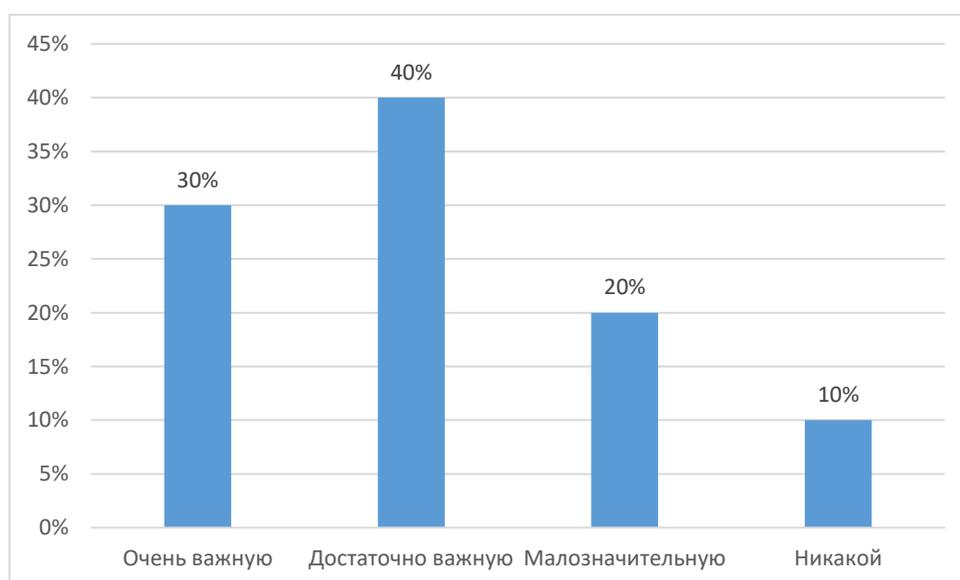

Рисунок 5 - Как вы считаете, насколько важную роль играет новый супруг в воспитании и поддержке вашего ребёнка, %

Из рисунка 5 видно, что 30% опрошенных семей уверены, что новый супруг играет очень важную роль в воспитании и поддержке подростка. Это подчёркивает успешное включение нового партнёра в процесс воспитания и

его влияние на ребёнка. 40% участников считают эту роль достаточно важной, что также свидетельствует о том, что новый член семьи является активным участником семейной жизни, но определённые сложности всё же могут возникать. При этом 20% семей считают роль нового супруга малозначительной, возможно, из-за ограниченного участия в воспитательном процессе или отсутствия прочной связи с ребёнком. Лишь 10% респондентов полагают, что новый супруг вовсе не играет значительной роли в жизни подростка, что указывает на редкие случаи низкой интеграции нового партнёра в семью.

В целом, собранные данные демонстрируют высокий уровень оптимизма среди родителей в отношении будущего их детей. Большинство родителей уверены в перспективах получения качественного образования, ощущаемой поддержке семьи, уверенности детей в своих силах и способности построить успешную карьеру. Однако, несмотря на преобладающий оптимизм, было выявлено несколько ключевых проблем, требующих внимания. Во-первых, 5% родителей оценивают перспективы получения образования для своего ребёнка как низкие. Это указывает на существование определённых барьеров или недостатков в доступе к образовательным ресурсам, требующих вмешательства и поддержки. Во-вторых, 5% семей отметили низкую поддержку ребёнка в принятии жизненно важных решений, что говорит о необходимости укрепления внутрисемейных связей и улучшения коммуникации. В-третьих, уверенность некоторых детей остаётся на низком уровне (10% опрошенных), что может свидетельствовать о недостаточном развитии навыков самооценки и личной уверенности, что, в свою очередь, требует дополнительных усилий со стороны семьи для создания более благоприятной среды. Наконец, 10% родителей считают, что новый супруг не играет значительной роли в жизни ребёнка, что может указывать на трудности в интеграции в семейную систему и требует работы по улучшению взаимодействия между новым партнёром и ребёнком.

Таким образом, данные результаты демонстрируют, что, хотя общая обстановка оценивается положительно, существует несколько проблемных областей, которые необходимо рассматривать для обеспечения наиболее полного и гармоничного развития детей в семье.

Список литературы

1 Андреева, Т. В. Семейная психология: учеб. пособие / Т. В. Андреева. - СПб.: Речь, 2004. - 244 с.

2 Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс / А. Я. Варга, Т. С. Драбки-на. - СПб.: Речь, 2001. - 144 с.

3 Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие / О. А. Карабанова. - М.: Гардарики, 2005. - 320 с.

- 4 Кон, И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. С. Кон. - М.: Академия, 2003. - 336 с.
- 5 Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. - 9-е изд. - СПб.: Питер, 2005. - 940 с. - (Серия: Мастера психологии).
- 6 Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчик. - Прага: Ави-ценум. Медицинское издательство, 1984. - 334 с.
- 7 Лосева, В. К. Рисуем семью: диагностика семейных отношений / В. К. Лосева. - М.: А.П.О., 1995. - 40 с. - (Серия: Психологическая помощь и консультирование). - Вып. 1.
- 8 Лофас, Ж. Повторный брак: дети и родители / Ж. Лофас, Д. Сова. - СПб.: Питер-Пресс, 2006. - 320 с.
- 9 Спиваковская, А. С. Как быть родителями / А. С. Спиваковская. - М.: Педагогика, 1986. - 160 с.
- 10 Хоментausкас, Г. Т. Семья глазами ребенка / Г. Т. Хоментausкас. - М.: Педагогика, 1989. - 160 с.
- 11 Целуйко, В. М. Вы и ваши дети. Психология семьи / В. М. Целуйко. - Ростов н/Д.: Феникс, 2004. - 283 с.
- 12 Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. - СПб.: Питер, 1999. - 656 с.

РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПРИТЯЗАНИЯ В БРАКЕ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, СОСТОЯЩИХ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

**Козловская Т.Н., к. пед. н., доцент, Китарова А.А.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

В последние десятилетия наблюдается изменение представлений супругов об основных функциях семьи в хозяйственно-бытовой, сексуальной сферах, в понимании и разделении родительских обязанностей, представлений о моральной и эмоциональной поддержке. Меняются установки на брак. Много пар живут в незарегистрированном браке. Тем самым возникает необходимость постоянного глубокого изучения трансформации семьи как общественного института.

Анализ научной литературы по данной проблеме позволил выделить наиболее существенные направления работы среди ученых. Например, исследования Белогай К.Н. и Зульбухаровой О.Р., в которых изучались особенности супружеских отношений в зарегистрированном и незарегистрированном браках; исследование Малыгиной о взаимосвязи ролевых ожиданий и притязаний супругов с удовлетворенностью браком; исследование Кедяровой Е.А. и др. ученых в связи с личностной зрелостью. Сегодня можно встретить исследования по данной проблеме, в которых рассмотрены факторы, детерминирующие ролевое поведение; типы ролевого поведения и основные супружеские роли. Перечисленные области исследования определяют высокую актуальность данной проблемы.

Анализ исследований позволяет сделать вывод о том, что отношение к незарегистрированному браку неоднозначное. По данным К. Н. Белогай, О. Р. Зульбухаровой «психологический аспект отношений в незарегистрированном браке чрезвычайно важен как для мужчин, так и для женщин. Мужчинам не так страшно вступать в такой брак, как в обычный, поскольку его они браком не считают» Мужчины считают себя холостяками, а дамы, пребывающие в таком браке «замужними» [1].

Король Н.В. изучая особенности жизненных ценностей партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, выявила, что в зарегистрированном браке люди часто «жертвуют своим личным счастьем ради сохранения семьи, ради детей, в то же время в фактическом браке семейные отношения находятся в подчинении личного счастья партнеров. Когда такие люди приходят к выводу, что они не испытывают личного счастья в данной семье, они покидают ее и ищут новую». В статье Король Н.В. ссылается на исследование Сурра, «который выяснил на основании десятилетнего обзора литературы, что те, кто сожительствовал до брака, с большей вероятностью расторгнут зарегистрированный брак. Они

чаще рассматривают развод в качестве возможного решения семейных проблем» [4].

Также Король Н.В. отмечает, что «для партнеров, состоящих в фактическом браке, более значимы индивидуально-ориентированные ценности, связанные со стремлением к личному успеху и независимости.

З.Х. Коблева изучая «гражданский брак» отмечает, что причинами его появления можно считать: «раннее половое созревание подростков и, как следствие, более ранний период начала половой жизни; период обучения молодых людей и возможность жить отдельно от родителей сопровождается желанием продемонстрировать свою самостоятельность; финансовое благополучие как один из существенных факторов формирования «гражданского брака»; «гражданский брак» позволяет партнерам выявить подлинность взаимных чувств, без правового оформления брачных отношений, что существенно может повлиять на их будущий семейный статус; современное общество достаточно лояльно в своем отношении к различным формам «гражданского брака», что делает его особенно популярным в настоящее время» [3].

В своем исследовании мы выдвинули следующую гипотезу: имеется значимая связь выраженности ролевых ожиданий и притязаний от вида брака у молодых людей (студентов университета). Исследование носило пилотажный характер. При изучении взаимосвязи ролевых ожиданий и притязаний с видом брака (зарегистрированный/незарегистрированный) выборку составляли мужчины и женщины в возрасте от 19 до 22 лет, студенты университета. Метод формирования выборки – случайный отбор. Количественная характеристика – 30 человек.

В качестве диагностического материала был использован опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой.

В первую очередь был проведен опрос, направленный на выявление вида брака, в котором состоят респонденты, что позволило разделить студентов на две группы: студенты, которые состоят в зарегистрированном браке, и студенты, не зарегистрированы официально.

В результате исследования по всей выборке были получены результаты, представленные в таблице 1.

Полученные результаты не выявили значительных различий в уровне ожиданий и притязаний в браке. Если анализировать результаты исходя из характеристик шкал, то значимость сексуальных отношений в супружестве у респондентов имеют значения ниже среднего. Что говорит о том, что они не считают сексуальную гармонию важным условием супружеского счастья. Недооценка сексуальных отношений в большей степени присуща респондентам, чьи отношения не зарегистрированы официально. Нет различий у групп в идентификации с брачным партнером. У респондентов высокие требования к партнеру и высокие ожидания в сфере хозяйственно-бытовой жизни семьи. Большое значение респонденты придают роли родительства, родительских обязанностей супругов.

Таблица 1 – Результаты исследования ролевых ожиданий и притязаний в браке у всех респондентов.

Респонденты	Интимно-сексуальная	Личностная идентификация с супругом	Хозяйственно-бытовая	Родительско-воспитательная	Социальная активность	Эмоционально-психотерапевтическая	Внешняя привлекательность
Все респонденты		5,76	5,5	6,3	6,7	6,6	5,9
Незарегистрированные браки	2,9	5,8	5,2	5,9	6,6	6,7	5,5
Зарегистрированные браки	4	5,7	5,9	6,6	6,7	6,46	6,26

Важным для респондентов является социальная активность для стабильности семейных отношений. У них выражены как собственные потребности, так и требования к партнеру, у которого тоже должны быть серьезные профессиональные интересы. Большие ожидания у респондентов в области эмоционально-психотерапевтической функции брака. Эмоциональная поддержка в браке, эмоциональная стабильность в браке для респондентов играет большую роль. Ориентация на внешнюю привлекательность у респондентов также имеет высокую степень проявления, как к себе, так и к партнеру.

Список литературы

- 1 Белогай К. Н., Зульбухарова О. Р. Психологические аспекты незарегистрированных браков в период ранней взрослости // СибСкрипт. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-nezaregistrirovannyh-brakov-v-period-ranney-vzroslosti> (дата обращения: 02.04.2025).
- 2 Змановская Елена Валерьевна, Карташова Татьяна Евгеньевна Структура и содержание брачно-семейных установок современной молодежи // Вестник ТГПУ. 2011. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-soderzhanie-brachno-semeynyh-ustanovok-sovremenoy-molodezhi> (дата обращения: 02.04.2025).
- 3 Коблева З. Х. «Гражданский брак» как проявление трансформационных процессов в системе семейно-брачных отношений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. №4. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-brak-kak-proyavlenie-](https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-brak-kak-proyavlenie)

[transformatsionnyh-protssesov-v-sisteme-semeyno-brachnyh-otnosheniy](#) (дата обращения: 02.04.2025).

4 Король, Н. В. Особенности жизненных ценностей партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке / Н. В. Король // Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 84-88. – EDN VCUYIH.

К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА ЧЕЛОВЕКА

**Козловская Т.Н., к. пед. н., доцент, Ключникова В.П.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»**

Актуальность темы «Влияние компьютерных игр на человека» в современном обществе трудно переоценить. За последние десятилетия индустрия видеоигр стала одной из самых быстроразвивающихся и экономически значимых. Миллионы людей по всему миру активно вовлечены в игровые процессы, что делает исследование их влияния на психическое и социальное состояние индивидов особенно важным.

Компьютерные игры способны не только развлекать, но и обучать, формируя навыки решения проблем, креативного мышления и командной работы. Однако, наряду с положительными аспектами, существует и риск формирования зависимости, ухудшения психологического состояния и дезинтеграции социальной жизни. Исследователи выявили связь между временем игровой активности и такими негативными последствиями, как агрессивное поведение, ухудшение зрения, нарушение сна и малоподвижный образ жизни, что вызывает беспокойство среди родителей, педагогов и специалистов.

Научные исследования показывают, что тип и содержание игры играют важную роль в определении её влияния.

Российские исследователи, такие как Щербаков В. А. и Ковалева Т. П. (2021), указывают, что стратегии и обучающие игры способствуют развитию когнитивных функций, таких как память, логическое мышление и внимание. В их исследованиях отмечается, что игровые элементы, такие как задачи и квесты, требуют планирования, анализа и принятия решений, что положительно влияет на когнитивные способности. Аналогично, западные авторы Д. Грин и Д. Бавеллер (Green & Bavelier, 2003) подчеркивают, что игры, связанные с пространственным восприятием, такие как шутеры, улучшают визуальное внимание и способность к многозадачности. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что определённые типы компьютерных игр могут быть полезны для когнитивного развития, особенно у молодежи [11].

Многие исследователи подчеркивают, что компьютерные игры могут оказывать негативное влияние на эмоциональное состояние игроков. Российский исследователь Иванов С. В. (2019) отмечает, что зависимость от игр приводит к повышению уровня тревожности и эмоциональной нестабильности. В его исследованиях, проведенных на подростках, выявлено, что игровая зависимость способствует появлению симптомов стресса, депрессии и снижению эмоциональной устойчивости. Зарубежные авторы, такие как К. Андерсон и Э. Дилл (Anderson & Dill, 2000), обнаружили, что

агрессивные игры способствуют развитию агрессивных мыслей и поведения, особенно у подростков. По их данным, регулярное участие в агрессивных играх может повышать уровень эмоциональной нестабильности и даже вызывать проявления агрессии в реальной жизни [8].

Влияние компьютерных игр на социальное поведение и навыки также многогранно. По мнению Кузнецовой Е. В. (2020), многопользовательские онлайн-игры (MMORPG) развивают навыки командной работы и сотрудничества, что может быть полезным для реальной жизни. В её исследованиях отмечается, что такие игры требуют активного взаимодействия между участниками, совместного решения задач и кооперации, что способствует формированию социальных навыков [1]. Виртуальные команды становятся моделью для реальных социальных взаимодействий, особенно для тех, кто испытывает трудности в общении в повседневной жизни. Зарубежные исследователи, такие как Колдуэлл Л. и Смит М. (Caldwell & Smith, 2012), также подчеркивают, что участие в многопользовательских играх улучшает коммуникативные навыки и формирует чувство принадлежности к сообществу [12].

Существует и противоположное мнение о влиянии компьютерных игр на социальные навыки. Петров А. П. и Васильева Н. Ю. (2018) отмечают, что зависимость от игр часто ведет к снижению мотивации для реального общения, что вызывает социальную изоляцию. В их исследованиях подростки, зависимые от игр, демонстрировали склонность к замкнутости, избегали общения вне игровой среды и испытывали трудности в реальном общении. Чин Л. и Хорнсби Т. (Chin & Hornsby, 2011) также подчеркивают, что чрезмерное увлечение виртуальными мирами снижает способность к адаптации в реальной жизни. Они отмечают, что у подростков, предпочитающих виртуальное общение, наблюдаются сложности с реальной социализацией и повышенный уровень социальной тревожности [5].

Статистическая гипотеза исследования направлена на проверку влияния регулярного использования компьютерных игр на психологическое, когнитивное и физическое состояние студентов. Основная (нулевая) гипотеза H_0 утверждает, что компьютерные игры не оказывают значимого влияния на психическое, когнитивное и физическое состояние участников эксперимента. В случае подтверждения нулевой гипотезы результаты игровой и контрольной групп не будут иметь статистически значимых различий.

Альтернативная гипотеза предполагает, что регулярное использование компьютерных игр оказывает значимое влияние на психологическое, когнитивное и физическое состояние студентов. Если альтернативная гипотеза подтвердится, то результаты экспериментальной группы (играющие студенты) будут статистически отличаться от результатов контрольной группы (студенты, не играющие в игры) по ряду показателей, таких как уровень тревожности, агрессивности, когнитивные способности (внимание и память) и физическое состояние (усталость, качество сна).

Для проверки гипотезы использовался метод статистического анализа, позволяющий оценить значимость различий между экспериментальной и контрольной группами по основным показателям до и после эксперимента.

В исследовании приняли участие 20 студентов, разделенных на две группы по 10 человек: экспериментальная группа ежедневно играла в компьютерные игры, чередуя их типы (шутеры, ролевые и казуальные игры), а контрольная группа не играла. В ходе исследования проводились предварительное, ежедневные и итоговое тестирования. Результаты представлены в числовых значениях, чтобы наглядно отобразить изменения в показателях.

Таблица 1 Изменения в психологическом состоянии студентов после воздействия компьютерных игр

Параметр	Начальный уровень (эксп. группа)	Заключительный уровень (эксп. группа)	Начальный уровень (контр. гр.)	Заключительный уровень (контр. гр.)
Уровень тревожности	4.2 (± 0.5)	6.8 (± 0.7)	4.1 (± 0.6)	4.2 (± 0.5)
Уровень агрессии	3.1 (± 0.4)	5.9 (± 0.6)	3.0 (± 0.5)	3.1 (± 0.4)
Эмоциональная стабильность	5.3 (± 0.6)	3.8 (± 0.8)	5.2 (± 0.7)	5.3 (± 0.6)

Значения указаны по 10-балльной шкале, где 10 — максимум стабильности или низкий уровень тревожности и агрессии.

Анализ результатов показал, что у экспериментальной группы, особенно после воздействия шутеров, уровень тревожности и агрессии значительно возрос, в то время как у контрольной группы изменений не наблюдалось. Показатели эмоциональной стабильности в экспериментальной группе снизились, особенно у тех, кто играл в агрессивные игры.

Таблица 2 Изменения в когнитивных способностях студентов после воздействия компьютерных игр

Параметр	Начальный уровень (эксп. группа)	Заключительный уровень (эксп. группа)	Начальный уровень (контр. группа)	Заключительный уровень (контр. группа)
Внимание (сек.)	24.5 (± 1.8)	19.7 (± 1.5)	24.3 (± 1.7)	24.4 (± 1.8)
Скорость реакции	0.68 (± 0.05)	0.54 (± 0.04)	0.67 (± 0.05)	0.68 (± 0.05)
Память (баллы)	6.5 (± 0.7)	6.6 (± 0.6)	6.4 (± 0.7)	6.5 (± 0.7)

Внимание измерялось в секундах (чем меньше значение, тем лучше внимание), скорость реакции в секундах (чем меньше значение, тем лучше реакция), память — в баллах по 10-балльной шкале.

Результаты когнитивного тестирования показывают, что у участников, игравших в шутеры и экшн-игры, улучшились внимание и скорость реакции. Участники, игравшие в ролевые игры, также продемонстрировали небольшое улучшение в этих показателях. Контрольная группа не показала значимых изменений по когнитивным параметрам.

Таблица 3 Изменения в физическом состоянии студентов после воздействия компьютерных игр

Параметр	Начальный уровень (эксп. группа)	Заключительный уровень (эксп. группа)	Начальный уровень (контр. группа)	Заключительный уровень (контр. группа)
Усталость (баллы)	2.1 (± 0.4)	4.5 (± 0.7)	2.0 (± 0.5)	2.1 (± 0.4)
Качество сна (баллы)	8.3 (± 0.6)	5.9 (± 0.8)	8.2 (± 0.7)	8.3 (± 0.6)
Напряжение глаз (баллы)	1.8 (± 0.5)	4.1 (± 0.6)	1.9 (± 0.5)	2.0 (± 0.4)

Усталость, качество сна и напряжение глаз измерялись по 10-балльной шкале: 10 — максимальное качество сна или минимальная усталость/напряжение.

У участников экспериментальной группы, особенно тех, кто играл в шутеры, значительно повысились уровни усталости и напряжения глаз, а качество сна ухудшилось. Эти эффекты не наблюдались у контрольной группы, что подтверждает, что ухудшение физического состояния связано с воздействием компьютерных игр.

Целью анализа было оценить влияние специфических факторов на состояние участников, используя статистические методы, такие как критерий Стьюдента и критерий Манна-Уитни.

Анализ уровня тревожности продемонстрировал существенные различия между экспериментальной и контрольной группами. Средний уровень тревожности в экспериментальной группе был заметно выше, что подтвердилось значимостью $p=0.000$. Эти данные позволяют отклонить нулевую гипотезу и предположить, что выбранные условия воздействия оказали значительное влияние на повышение тревожности. Подобные результаты могут быть обусловлены воздействием стрессоров или других факторов, характерных для экспериментальной группы.

Сходная картина наблюдалась при анализе уровня агрессии. Значение $p=0.000$ указывает на значительные различия между группами. Участники экспериментальной группы демонстрировали более высокий уровень агрессии, что может быть связано с воздействием факторов, провоцирующих

активизацию эмоциональной напряжённости. Этот результат также подтверждает отклонение нулевой гипотезы.

Эмоциональная стабильность в контрольной группе оказалась выше, чем в экспериментальной, что нашло подтверждение в значении $p=0.002$. Это позволяет заключить, что участники экспериментальной группы испытывали больше эмоциональных колебаний. Нулевая гипотеза, предполагающая отсутствие различий, была отклонена. Данные результаты подчеркивают, что выбранные условия негативно влияли на устойчивость эмоционального состояния, вызывая больший уровень нестабильности.

Параметры, связанные с когнитивными способностями, также продемонстрировали различия между группами. Для показателя внимания значение $p=0.003$ свидетельствует о статистически значимом улучшении у экспериментальной группы. Это позволяет предположить, что участники, находившиеся в экспериментальных условиях, проявляли более высокую способность концентрироваться. Скорость реакции также показала значительные различия ($p=0.002$), при этом участники экспериментальной группы реагировали быстрее. Эти результаты предполагают положительное влияние исследуемых факторов на когнитивные параметры. Однако для памяти значимых различий выявлено не было ($p=0.436$), что подтверждает принятие нулевой гипотезы. Отсутствие различий может быть связано с тем, что краткосрочные воздействия недостаточны для значительного влияния на этот параметр. Физиологические показатели, такие как усталость, качество сна и напряжение глаз, также различались между группами. Участники экспериментальной группы демонстрировали более высокий уровень усталости ($p=0.000$), что свидетельствует о значительном воздействии исследуемых факторов на физическое состояние. Ухудшение качества сна в экспериментальной группе также было статистически значимым ($p=0.000$), что подтверждает влияние условий эксперимента на параметры, связанные с восстановительными процессами организма. Напряжение глаз оказалось выше у участников экспериментальной группы ($p=0.000$), что может быть связано с условиями, способствующими увеличению визуальной нагрузки.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что большинство исследуемых параметров продемонстрировали значимые различия между экспериментальной и контрольной группами. Это позволяет отклонить нулевые гипотезы, предполагающие отсутствие различий, для уровня тревожности, агрессии, эмоциональной стабильности, внимания, скорости реакции, усталости, качества сна и напряжения глаз. Единственным исключением стал показатель памяти, для которого нулевая гипотеза была принята. Таким образом, исследуемые факторы оказывали как положительное влияние на когнитивные способности, так и отрицательное воздействие на эмоциональное и физическое состояние участников.

Полученные результаты подчеркивают важность осознанного подхода к использованию компьютерных игр. Родителям, педагогам и самим студентам необходимо учитывать потенциальные риски и преимущества

компьютерных игр, чтобы минимизировать их негативные последствия и поддерживать положительное влияние. Игры с высокой динамикой и агрессивным контентом следует ограничивать по времени, так как они повышают уровень тревожности и агрессии. Напротив, ролевые и казуальные игры могут применяться для временного улучшения настроения и снижения стресса, если их использование контролируется.

В будущем целесообразно продолжить исследования, направленные на выявление долгосрочных эффектов компьютерных игр на психику, когнитивные функции и физическое состояние. Более продолжительные исследования с использованием различных типов игр позволят расширить наши знания о влиянии виртуального пространства на реальную жизнь и психическое здоровье людей.

Список литературы

1 Баженов, П. В. Исследование влияния многопользовательских онлайн-игр на межличностные отношения подростков/ П. В. Баженов, Н. А. Волкова // Психология поведения. — 2016. — № 7. — С. 18–31.

2 Богачева, Н. В. Компьютерные игры и креативность: позитивные эффекты игровой деятельности/ Н. В. Богачева, А. Е. Войскунский // Журнал модернизации психологии и философии. — 2017. — № 4. — С. 45–60. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2017_n4/Bogacheva_Voiskounsky

3 Бронников, В. А. Влияние компьютерных игр на личность и развитие подростков/ В. А. Бронников // Социология и психология. — 2019. — № 6. — С. 83–96.

4 Зайцев, В. О. Компьютерные игры и их влияние на поведение и мотивацию у студентов/ В. О. Зайцев // Современные исследования в психологии. — 2021. — № 6. — С. 30–44.

5 Коваленко, Ю. Н. Компьютерные игры как инструмент развития когнитивных способностей у молодежи/ Ю. Н. Коваленко, А. В. Соколова // Вестник современной психологии. — 2018. — № 8. — С. 45–58.

6 Кочетков, А. В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр: диагностика, профилактика и реабилитация/ А. В. Кочетков // Социальная психология и общество. — 2020. — № 1. — С. 20–35. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2020_n1/Kochetkov

7 Лаптева, Е. А. Обзор современных исследований влияния видеоигр на когнитивные процессы/ Е. А. Лаптева // Журнал модернизации психологии и философии. — 2023. — № 4. — С. 32–50. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2023_n4/Lapteva

8 Миронов, А. Л. Психологические последствия игровой зависимости/ А. Л. Миронов // Образование и общество. — 2019. — № 5. — С. 11–24.

9 Петров, М. С. Влияние ролевых компьютерных игр на навыки социальной адаптации у молодежи/ М. С. Петров, А. Ю. Савченко // Психологическая наука и образование. — 2022. — № 4. — С. 37–50.

10 Скобин, В. С. Компьютерные игры и их влияние на когнитивную деятельность/ В. С. Скобин, Ю. М. Евстигнеева // Психология и социология современного общества. — 2017. — № 6. — С. 25–42.

11 Смирнова, И. П. Психологическое влияние компьютерных игр на подростков: анализ и перспективы/ И. П. Смирнова // Вопросы психологии. — 2018. — № 5. — С. 94–105.

12 Широкова, Е. К. Влияние компьютерных игр на формирование эмоциональной компетенции у подростков/ Е. К. Широкова // Педагогика и психология образования. — 2020. — № 2. — С. 62–76.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Охотникова Т.И.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

В современном обществе понятие социальной ответственности приобретает все большую актуальность. Это связано с растущим осознанием необходимости балансировать индивидуальные интересы с общими ценностями и благополучием общества. Морально-этическая ответственность является ключевым аспектом социальной ответственности, определяя готовность личности учитывать интересы общества, следовать нормам морали и принимать решения, основанные на этических принципах. В психологии и смежных науках существует множество теоретических подходов к диагностике данного феномена, каждый из которых предлагает свои методы и критерии оценки. В современном обществе актуальность изучения морально-этической ответственности возрастает, поскольку она влияет на поведение и принятие решений в различных сферах жизни.

Проблема морально-этической ответственности нашла свое отражение во множестве научных подходов. Для начала рассмотрим когнитивно-развивающий подход. В исследованиях Л. Кольберга и Ж. Пиаже моральное развитие рассматривалось как процесс, проходящий через несколько стадий. В работах Ж. Пиаже моральная ответственность рассматривается с позиции двух основных стадий: гетерономную и автономную. Первую, он рассматривал как следование требуемых правил авторитетного взрослого из страха наказания. Вторую же, он рассматривал со стороны равноправной позиции ребенка со взрослым, на этой стадии формируется понимание справедливости и взаимности. Позднее, Л. Кольберг расширил концепцию Ж. Пиаже в соответствии с изменением социального опыта и когнитивных способностей детей. В своей теории автор определил уровневую модель морально развития: преконвенциальный, конвенциальный, постконвенциальный. Первый уровень морального развития по Л. Кольбергу, сменяет подчинение правил авторитетного взрослого из страха наказания, на равноценный обмен в рамках справедливости («ты – мне, я – тебе»). Основу второго уровня составляет социальный закон, согласно которому ребенок должен выполнять внешние правила неукоснительно, за исключением тех правил, которые вступают в противоречия с социальными нормами. Третий уровень морального развития предполагает собой принятие личностью универсальных этических принципов [7].

Далее рассмотрим морально-этическую ответственность с позиции личностно-ориентированного подхода. Представители данного подхода

делают акцент на внутренних психологических механизмах формирования ответственности. По мнению А. Бандуры, важным компонентом при изучении морального поведения является не гипотетические рассуждения о моральных дилеммах как это было у Л. Кольберга, а исследование реального поведения людей. Автор рассматривает формирование морального поведения через наблюдение, подражание и подкрепление [6]. В работе А. Бандуры посвященной теории социального научения, ключевым компонентом морального развития является самоэффективность. Автор рассматривает ее как уверенность в своей способности поступать морально [1]. Моральную ответственность с точки зрения совести рассматривает Э. Фромм. В своих работах автор выделяет два вида совести: авторитарную и гуманистическую. Формирование авторитарной совести происходит под влиянием культурных традиций. Гуманистическая совесть по мнению автора является независимой от культурных традиций [4].

В рамках деятельностного подхода морально-этическая ответственность рассматривается как результат включенности в социальную деятельность. В концепции отечественного исследователя С. Л. Рубинштейна ответственность сопряжена со свободой воли. По мнению автора сила воли заключается не только в умении осуществления своих желаний, но и в умении их подавления. Иными словами, ответственность представляет собой осознание последствий своих действий и готовность их принять. Автор также указывает на формирование ответственности посредством рефлексии и нравственного выбора [2]. В деятельностной теории А. Н. Леонтьева моральную ответственность можно рассмотреть с позиции усвоения моральных норм через социально значимую деятельность. В исследованиях автора личность развивается через деятельность, что может включать моральные аспекты, такие как осознание своих обязанностей и последствий своих действий [9].

Для анализа взаимосвязи морально-этической и социальной ответственности следует рассмотреть особенности двух феноменов.

В рамках нашего теоретического анализа за основу определения морально-этической ответственности мы рассмотрели исследования В. В. Гальчик и А. А. Куприяновой. В работах авторов морально-этическая ответственность рассматривается как личностное качество, которое включает в себя осознание моральной необходимости соблюдения социальных и личностных норм, а также способность адекватно воспринимать справедливую оценку своих действий, оценивая их с позиций гуманности и с чистой совести [3]. Среди основных функций морально-этической ответственности ряд множества исследователей отмечают следующие: рефлексия на морально-этические ситуации, интуиция, экзистенциальный аспект ответственности и альтруистические эмоции.

В исследованиях Е. И. Коваленко социальная ответственность представляет собой интегративное качество личности, которое заключается в осознании и принятии социальных норм и ценностей, оказывающих влияние

на поведение в профессиональной деятельности [5]. В работах множества зарубежных и отечественных исследователей описано множество функций социальной ответственности, среди которых отмечаются следующие: учет общественных интересов и выполнение профессиональных обязанностей в соответствии с социальными нормами.

Анализируя особенности морально-этической и социальной ответственности, можно наблюдать тесную взаимосвязь между ними:

1 Моральные принципы обеспечивают нравственную основу для социальной ответственности, направляя действия в сторону общественного блага;

2 Социальная ответственность стимулирует развитие моральных качеств, таких как сочувствие и чувство долга, что, в свою очередь, укрепляет морально-этическую ответственность.

Далее следует рассмотреть методы исследования морально-этической ответственности. Наиболее актуальным является опросник И. Г. Тимощука ДУМЭОЛП, который позволяет оценить сформированность моральных и этических качеств в различных ситуациях. Опросник включает в себя несколько шкал:

1. Рефлексия на морально-этические ситуации. Данная шкала помогает оценить способность личности анализировать и рефлексировать в морально-этических коллизиях;

2. Интуиция в морально-этической сфере. Данная шкала позволяет измерить нравственную интуицию, которая помогает интуитивно оценивать различные моральные ситуации;

3. Экзистенциальный аспект ответственности позволяет провести анализ осознания своей ответственности за существование и действия;

4. Альтруистические эмоции. Данная шкала помогает оценить проявления сочувствия и готовности помогать другим;

5. Морально-этические ценности. С помощью данной шкалы перед нами предстает возможность изучить систему ценностей, которые определяют моральное поведение.

Также для диагностики морально-этической ответственности применяется структурированное интервью. Оно используется для самоанализа когнитивно-психологической культуры личности, включая профессионально-личностные и эмоционально-волевые параметры [8].

Анализируя всё вышесказанное, перейдём: выводам нашего теоретического анализа:

1. В современном обществе морально-этическая ответственность становится ключевым аспектом социальной ответственности, отражая готовность личности учитывать интересы общества, следовать моральным нормам и принимать решения на основе этических принципов;

2. Когнитивно-развивающий подход к изучению моральной ответственности, представленный Ж. Пиаже и Л. Кольбергом, рассматривает моральное развитие как процесс, проходящий через стадии: гетерономную,

автономную, преконвенциональную, конвенциональную и постконвенциональную, где формируются универсальные этические принципы;

3. Личностно-ориентированный подход акцентирует внимание на внутренних психологических механизмах формирования ответственности, таких как наблюдение, подражание и подкрепление (А. Бандура), а также совесть (Э. Фромм), которая может быть авторитарной или гуманистической;

4. Деятельностный подход связывает морально-этическую ответственность с включенностью в социальную деятельность, где осознание последствий своих действий и рефлексия играют важную роль (С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев);

5. Морально-этическая ответственность рассматривается как личностное качество, включающее осознание необходимости соблюдения социальных норм и способность адекватно оценивать свои действия с позиций гуманности и совести;

6. Социальная ответственность определяется как интегративное качество личности, связанное с осознанием и принятием социальных норм и ценностей, влияющих на профессиональное поведение;

7. Между морально-этической и социальной ответственностью существует тесная взаимосвязь: моральные принципы формируют нравственную основу социальной ответственности, а социальная ответственность способствует развитию моральных качеств;

8. Для диагностики морально-этической ответственности используется опросник И.Г. Тимощука ДУМЭОЛП, который оценивает рефлексивность, интуицию, экзистенциальный аспект ответственности, альтруистические эмоции и моральные ценности;

9. Структурированное интервью также применяется для анализа когнитивно-психологической культуры личности, включая профессионально-личностные и эмоционально-волевые параметры;

10. Исследование морально-этической ответственности важно для понимания поведения личности в различных сферах жизни и способствует гармонизации индивидуальных интересов с общественными ценностями.

Список литературы

1 Булышко Н. А. К проблеме самоэффективности личности в психологии / Н. А. Булышко // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. - № 3(24). - С. 1.

2 Воробьева Т. В. Социальная ответственности личности в психолого-педагогических исследованиях ученых / Т. В. Воробьева, // Социально-гуманитарные знания. – 2011. - № 5. - С. 6.

3 Гальчик В. В., Куприянова А. А. Изучение уровня морально-этической ответственности у студентов / В. В. Гальчик, А.А. Куприянова, // Международный студенческий научный вестник. – 2015. - № 5-2. - С. 3.

4 Есева О. В. Совесть – как основа духовно-нравственного воспитания личности в различных философских учениях / О. В. Есева, // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2016. - № 30-2. - С. 4.

5 Коваленко Е. И. Диагностика уровня морально-этической ответственности личности ординаторов 1 и 2 годов обучения / Е. И. Коваленко, // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2015. - № 6. - С. 1.

6 Ледовая Я. А. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я. А. Ледовая, // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. - № 4. - С. 2.

7 Молчанов С. В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию / С. В. Молчанов, // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. - № 2. - С. 3.

8 Попов Л. М., Устин П. Н. Методы исследования нравственно-этической самооценки учащихся / Л. М. Попов, П. Н. Устин, // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы; под ред. В.А. Барabanщикова. - М.: ИП РАН, 2010. - С. 720-724

9 Шубина И. В. Понятие «Деятельность», «Деятельностный подход» в отечественной науке / И. В. Шубина, // Социально-гуманитарные знания. – 2014. - № 6. - С. 2-6.

ПОКОЛЕНИЕ Z: ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МОЛОДЕЖИ

Филатова М.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Эмоциональный интеллект как научный конструкт находится в центре внимания психологов с конца XX века. Его значимость в жизни современного человека приобретает все большую популярность. По данным сайта научной электронной библиотеки elibrary.ru, за последние пять лет опубликовано свыше пяти тысяч работ, посвященных этой теме, что составляет 74% от общего числа исследований. Подобный интерес обусловлен влиянием ЭИ на успешность личности в профессиональной и социальной среде.

Впервые концепция эмоционального интеллекта была представлена в 1990 году американскими психологами П. Саловеем и Д. Мейером, которые определили его как способность воспринимать, понимать и управлять эмоциями, как собственными, так и чужими. В дальнейшем в зарубежной психологии модель ЭИ была дополнена работами Д. Гоулмана и Р. Бар-Она, которые включили в его структуру лидерский потенциал и социальную ответственность [1].

В XXI веке фокус исследований сместился на взаимосвязь эмоционального интеллекта с цифровой коммуникацией, с использованием социальных сетей, кибербуллинг, возросшими суицидальными рисками и в целом психологическим благополучием молодежи. В значительной степени эта проблема затронула образовательную сферу.

Современные реалии диктуют новые требования к выпускникам колледжей и вузов. От них сегодня требуется умение владеть «гибкими навыками» (soft skills), включая эмпатию, стрессоустойчивость, коммуникативную гибкость. Эти компетенции неразрывно связаны с уровнем развития ЭИ, что подтверждает необходимость его диагностики в образовательном процессе [2].

Особенности диагностики поколения Z

Поколение Z или зуммеры (родившиеся в 1997-2012 годах), составляющие основной контингент колледжей и вузов, демонстрирует уникальные поведенческие паттерны. Цифровизация общества привела к трансформации их поведенческих стратегий. Даже находясь в одном помещении, юноши и девушки зачастую предпочитают «живому» общению обмен информацией в социальных сетях. Рассматривая эту проблему, М.Е. Сандомирский отмечает тенденцию к «эмоциональной изоляции» зуммеров, о своеобразном «отгораживании от мира», что

выражается в избегании глубоких межличностных связей [5].

Жизнь диджитал-поколения или зуммеров неразрывно связана с гаджетами. В числе трудностей, с которыми приходится сталкиваться молодым людям, родившимся и выросшим в период глобальной цифровизации, отечественные исследователи, занимающиеся теорией поколений (Е. Шамис, Е. Никонов, А. Антипов) называют сложности при работе в команде, низкий уровень эмпатии и стрессоустойчивости, отсутствие готовности брать ответственность за принятие решений [2].

Т.В.Конюхова отмечает, что такое положение значительно сказывается на процессе адаптации и обучения, которые неразрывно связаны с психическими процессами человека. В дальнейшем возникшие трудности могут повлечь за собой проблемы с выстраиванием эффективных коммуникаций уже не в студенческой, а во взрослой жизни, с тать барьером в их будущей профессиоанльной деятельности [3].

Перед психологами в колледжах и вузах стоит задача: выявить особенности эмоционального интеллекта студентов и при необходимости применить копинг-стратегии, корректирующие отклоняющееся поведение подростков, разработать программы, направленные на формирование саморегуляции и коммуникативных навыков с учетом цифровой социализации молодежи.

Изучение особенностей ЭИ студентов обуславливает дальнейшую успешную работу преподавателей по повышению интереса к учебе, активному взаимодействию обучающихся в группе, снижению тревожности, что является важной и актуальной задачей. Ее решение зависит от того, насколько эффективный инструментарий будет использован.

Российские методики диагностики ЭИ студентов

Для исследования эмоционального интеллекта и жизненных ресурсов студентов наряду с апробированными зарубежными методиками, такими как тест эмоционального интеллекта Н. Холла (1990), EQ-I тест Р. Бар-Она (1997), MSCEIT Дж. Майера, П. Саловея, Д. Карусо (2002), психологи в колледжах и вузах могут использовать комплекс психодиагностических методик, появившихся в России в последние десятилетия,

Из отечественных авторов оригинальную модель эмоционального интеллекта в начале двухтысячных предложил Д.В.Люсин. Он разделяет эмоциональный интеллект на внутриличностный (осознание и управление своими эмоциями) и межличностный (способность понимать и реагировать на эмоции других людей). Его методики диагностики активно используются в отечественной практике, в том числе для оценивания состояния ЭИ студентов.

1. Опросник ЭИИ (Д.В. Люсин, 2006)

Опросник состоит из 46 утверждений, оценивающих

представления респондентов о своем ЭИ. Методика фокусируется на двух аспектах: внутриличностном (осознание и управление своими эмоциями) и межличностном (понимание эмоций других) [4].

2. Видеотест распознавания эмоций (В.В. Овсянникова, Д.В. Люсин, 2007)

Использует видеосюжеты для измерения точности идентификации эмоций и чувствительности к их интенсивности. Позволяет оценить как базовое распознавание эмоций, так и нюансы их проявления [5].

3. Опросник NEO-FFI (адаптация М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова, 2003)

Включает 75 парных высказываний, оценивающих личностные черты по шкале «Большой пятерки». Методика выявляет связь ЭИ с такими факторами, как экстраверсия – интроверсия; привязанность – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость; экспрессивность – практичность [6].

4. Методика МЭИ (М.А. Манойлова, 2006)

Методика представляет собой опросник из 40 вопросов-утверждений, направленных на диагностику общего уровня ЭИ, а также его внутриличностных и межличностных компонентов. Акцентирует внимание на способности к регуляции эмоций и эмоциональных состояний и чувств других людей и себя самого [6].

5. Методика Е.В.Тепляковой (2009).

Изучает влияние эмоционально-окрашенных слов на когнитивные процессы и принятие решений, что особенно релевантно для поколения, погруженного в цифровые коммуникации.

Заключение

Диагностика эмоционального интеллекта студенческой молодежи требует учета особенностей поколения Z, чья социализация тесно связана с цифровыми технологиями. Представленные в статье российские методики позволяют не только оценить текущий уровень эмоциональной компетентности студентов, но и разработать адресные программы развития гибких навыков. Дальнейшие исследования должны быть направлены на адаптацию диагностического инструментария к быстро меняющимся социальным условиям и интеграцию их в образовательные процессы.

Список литературы

1 Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78-86.

2 Бибарсова, Н. В. Диагностика эмоционального интеллекта у современных студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт» : – 2017. – Т.29. – С.270-272. URL: <http://e->

koncept.ru/2017/07/770858.htm

3 Конюхова, Т. В., Конюхова, Е. Т. Социально-психологическое сопровождение учебно-воспитательного процесса и профессиональной подготовки студентов поколения Z в вузе: учебно-методическое пособие / Авт.-сост.: Т.В. Конюхова, Е.Т. Конюхова. – Новокузнецк: Полиграфист, 2020. – 61 с.

4 Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3-22.

5 Сандомирский, М. Е. Поколение Z: те, кто будет после [Электронный ресурс] // Блог о социальной психологии малых групп, поведенческой экономике, манипуляциях и деструктивном поведении «Социальная психология в действии». URL: <http://www.felicidad.ru/2011/07/z.html>

6 Хмелевская, К. М. Методы развития эмоционального интеллекта у студентов колледжа / К. М. Хмелевская. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 11 (510). – С. 336-339. – URL: <https://moluch.ru/archive/510/112065/> (дата обращения: 22.01.2025).

К ПРОБЛЕМЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ

Козловская Т.Н., к. пед. н., доцент, Харина Д. В.
Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Век цифровых технологий и интернета привел к огромному количеству информации, доступной в любое время. Это может дезориентировать человека, затрудняя выбор приоритетов и увеличивая проявление прокрастинации. Постоянная доступность информации даёт человеку ложное ощущение наличия времени на выполнение приоритетных задач. Прокрастинация, как одна из главных трудностей, с которой сталкиваются студенты, часто возникает на фоне избыточного выбора и постоянного информационного доступа.

Проблемы, связанные с прокрастинацией, могут быть причиной серьёзных расстройств. Например, тревожного расстройства. Постоянное откладывание задач может сформировать цикл, в котором высокая тревожность и прокрастинация увеличивают друг друга.

Изучение прокрастинации способствует выявлению связи между откладыванием дел и уровнем тревожности. Результаты исследований могут быть использованы для создания программ психологической поддержки, которые помогут минимизировать влияние тревожности на прокрастинацию у студентов.

Изучение явления прокрастинации охватывает множество аспектов, и такие исследователи, как А. Эллис, У.Дж. Наус, П.Стил, Дж. Феррари, Н. Милгрэм, Дж. Батори и Д. Моурер внесли значительный вклад в изучение данного феномена [1].

П. Стил предлагает следующее определение: «прокрастинация — это предполагаемое действие, которое добровольно откладывается, несмотря на понимание, что подобная задержка не даст позитивного исхода».

В современной психологии прокрастинация понимается как негативный феномен. Лэй К.Х. определяет ее как «пассивность, пессимистичность и дезадаптация».

В рамках современных исследователей не установлено единого, общепринятого определения этого понятия. Обозначается, что исследователи пришли к согласию только по двум основным характеристикам данного явления: задержке в осуществлении определенной цели и наличию сопровождающего её чувства психологического дискомфорта [3].

Одной из первых классификаций прокрастинации была предложенная Н. Милгрэмом, Дж. Батори и Д. Моурером, в которой выделяются следующие виды прокрастинации: ежедневная (бытовая); прокрастинация в принятии решений; невротическая; компульсивная; академическая.

Одним из преимущественных явлений на которое оказывает влияние прокрастинация является тревожность.

Большинство из известных методов измерения тревожности позволяет оценивать тревожность, либо выявить само наличие состояние тревожности у человека. Единственной методикой, позволяющей дифференцированно измерять тревожность и как личное свойство, и как состояние, является методика, предложенная Ч.Д. Спилбергером и адаптированная на русском языке Ю.Л. Ханиным [6], которая позволяет выявить как личностную, так и ситуативную или по-другому реактивную тревожность.

Под личностной тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий "веер" ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения [8].

Нами была выдвинута гипотеза о существовании связи между уровнем личностной тревожности и уровнем прокрастинации у студентов, чем выше уровень прокрастинации, тем выше уровень личностной тревожности.

Выборка для данного исследования была сформирована из студентов университета, которые учатся на одном факультете и на одной специальности. Все участники принадлежат к одной группе и на них оказывается одинаковое влияние со стороны учебного процесса, участникам даётся один объём информации для изучения и предъявляются одинаковые требования для оценки знаний, это обеспечивает однородность образца и минимизирует влияние внешних факторов на результаты. Количество респондентов – 40 человек.

Эксперимент проводился по средствам тестирования с использованием методик на выявление уровня прокрастинации и личностной тревожности.

На диаграмме мы можем наглядно увидеть, как показатели по критерию прокрастинация изменяется в зависимости от увеличения или уменьшения показателей критерия личностной тревожности.

При анализе результатов были получены следующие данные:

Среднее значение по баллам личностной тревожности- 42,31 балла.

Медиана по личностной тревожности- 45 баллов.

Среднее значение по баллам прокрастинации - 86.21 баллов.

Медиана по баллам прокрастинации - 80,5 баллов

Для статистического анализа взаимосвязи между тревожностью и прокрастинацией применялся метод ранговой корреляции Спирмена, который позволил определить силу и направление корреляционной связи между двумя признаками.

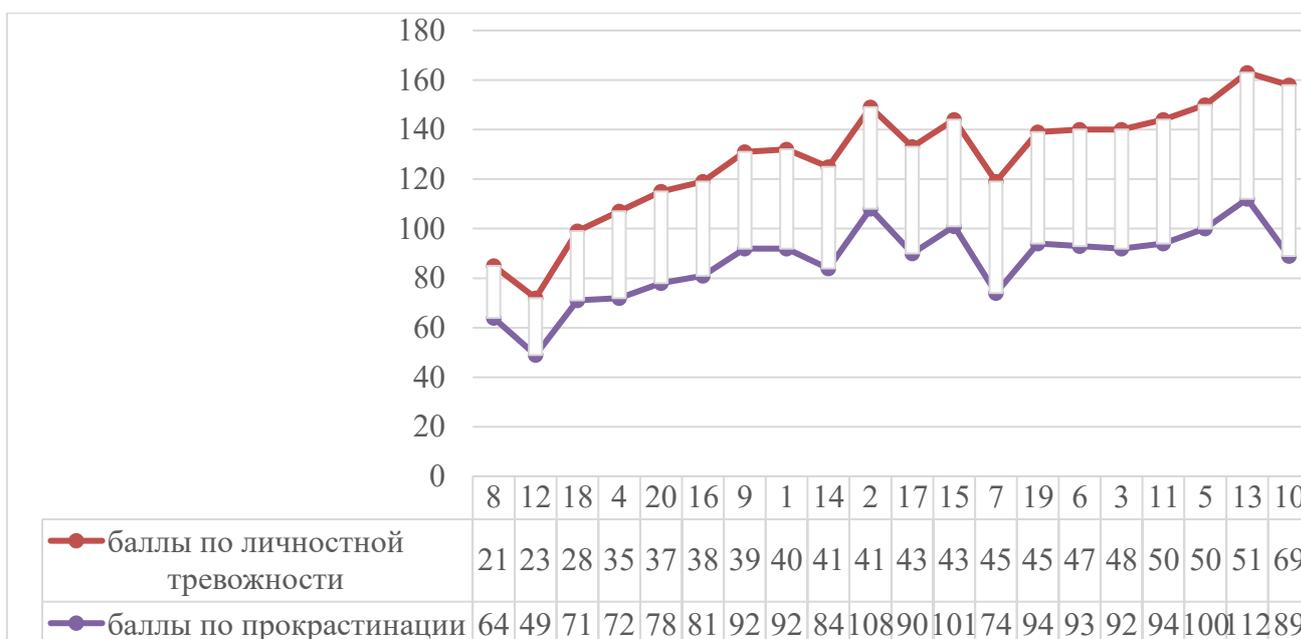

Рисунок 1 – Взаимосвязь прокрастинации и личностной тревожности

По результатам подсчётов был получен результат коэффициента ранговой корреляции $r_s = 0.689$. При сравнение полученного коэффициента с критическими значениями, было выявлено, что уровень корреляционной связи статистически значим (при $p < 0.01$).

Тем самым мы принимаем эмпирическую и статистическую гипотезу о существовании статистически значимой связи между уровнем личностной тревожности и уровнем прокрастинации у студентов.

Проведя данное исследования, мы пришли к выводу о том, что существует статистически значимая связь между прокрастинацией и личностной тревожностью. Все эмпирические и статистические гипотезы о наличие корреляционной связи были доказаны.

Список литературы

- 1 Калинина Т.В., Кудачкин, Д.А. Феномен прокрастинации: современные исследования // Приволжский научный вестник. 2016. №11 (63). - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prokrastinatsii-sovremennye-issledovaniya/viewer>
- 2 Клепикова Н. М., Кормачёва И. Н. Адаптация шкалы прокрастинации и шкалы иррациональной прокрастинации в методике п. Стила // Системная психология и социология. 2019. №3 (31). –Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-shkaly-prokrastinatsii-i-shkaly-irratsionalnoy-prokrastinatsii-v-metodike-p-stila>
- 3 Ковылин, В. С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. №2. -Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-izucheniya-fenomena-prokrastinatsii>

4 Кормачева, И.Н., Клепикова, Н.М., Прокрастинация: феномен и научная проблема // Системная психология и социология. 2019. №4 (32).- Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokrastinatsiya-fenomen-i-nauchnaya-problema>

5 Королева А.С., Клейменова А.Ю. Феномен прокрастинации в отечественной и зарубежной литературе // Вестник магистратуры. 2017. №10 (73).-Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prokrastinatsii-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-literature>

6 Романенко О. Н. Классические представления о тревожности // Форум молодых ученых. 2019. №3 (31).Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskie-predstavleniya-o-trevozhnosti>

7 Слободянюк, М.С., Чабаненко, С.В., Феномен прокрастинации: теоретическое обоснование, анализ исследований и влияние на человека // Научные известия. 2022. №26.-Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prokrastinatsii-teoreticheskoe-obosnovanie-analiz-issledovaniy-i-vliyanie-na-cheloveka>

8 Смирнов Ю. А. Стиль жизни и личностная тревожность // Знание. Понимание. Умение. 2007. №1.Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stil-zhizni-i-lichnostnaya-trevozhnost>

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА КОПИНГ СТРАТЕГИЙ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ РАЗНЫМИ ЭТНИЧЕСКИМИ КУЛЬТУРАМИ

¹Ямлиханов С.Е., ²Епанчинцева Г.А., д-р психол. н., доцент

¹Высшая психолого-педагогическая школа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Югорский государственный университет», г. Ханты-Мансийск

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

Происхождение понятия «стресс» связано с латинским *stringere*, в переводе означающее «сжимать» (Cooper, Dewe, 2004). Термин активно использовался в технических науках, обозначая область, находящуюся под внешним давлением.

В 18-19 вв. этот термин трансформируется из технического в медицинское понятие. По мнению медиков, напряженный ритм жизни человека вызывает заболевания нервной системы, которые объединяются под общим диагнозом «стресс». Американский врач Г. Берд (G. Beard), осмыслив и обобщив свои наблюдения за пациентами, заложил основу для комплексного понимания стресса (по: Rosenberg, 1962) [6].

Механизмы стрессовой реакции начали разрабатываться в исследованиях французского врача К. Бернарда (Claude Bernard), американского физиолога У. Кеннона и канадского патолога-эндокринолога Г. Селье [5].

В когнитивной теории стресса Р. Лазаруса дифференцированы физиологический и психологический виды стресса (Lazarus, 1984) [4].

Л. А. Китаев-Смык трактует стресс как неспецифическое физиологическое и психологическое проявление адаптационной активности при сильных, экстремальных для организма воздействиях [2].

Обобщая теоретический анализ классических концепций стресса, следует отметить, что стресс представляет собой многоаспектный феномен. Ряд исследователей (У. Кеннон, Г. Селье, Р. Лазарус и др.) начали разрабатывать проблематику стресса в терминах причин возникновения и последствий, разнообразных проявлений, динамики развития и способов управления [1].

В работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина (2007) под концептом понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества». В работе Л. Г. Почебут (2012) подчеркивается, что для этноса как общности людей

является важными «единая система отношений к природе, к членам своей и чужой общности, к самому себе, к идеям и ценностям, совместно выработанным людьми в процессе этногенеза» [3, 7].

Далее Л. С. Почебут определяет культуру как «динамическая система правил, эксплицитных и имплицитных, установленных группами с целью обеспечить свое выживание, включая установки, ценности, представления, нормы и модели поведения, общие для группы, но реализуемые различным образом каждым специфическим объединением внутри группы, передаваемые из поколения в поколение, относительно устойчивые, но способные изменяться во времени» [3, 7].

На основе анализа литературных данных выявлены причины и проявления психологического стресса у молодежи разных этнокультурных групп. В независимости от культурной принадлежности стрессорами у молодежи 15-19 лет являются: (1) трудности учебной деятельности; (2) материальные затруднения; (3) семейные сложности; (4) сексуальные проблемы; (5) проблемы отношений со сверстниками; (6) трудности взаимодействия с педагогами; (7) карьера и жизненные перспективы; (8) проблемы будущего страны; (9) сложности самооценки (Крюкова, 2005). При сравнении стрессоров у учащихся разных возрастных групп установлено, что студенческая молодежь более всего уязвима к трудностям в академической и семейной сферах [2].

Нами было проведено пилотное исследование, которое выявило различия в выборе копинг стратегий в разных этнических культурах. В исследовании принимали участие 30 студентов, которые представляют собой разные этнокультурные группы (русские, татары и казахи). Основные характеристики выборки: все проживают на территории Российской Федерации, психически здоровы, обучаются в одном вузе, воспитываются в полных семьях, учатся на 2-3 курсах (возраст от 20 до 22 лет).

Для исследования нами использовалась методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант Т.А. Крюковой).

Данный опросник включает в себя перечень заданных реакций на стрессовые ситуации и нацелен на определение доминирующих копинг-стрессовых поведенческих стратегий [5].

С помощью результатов данной методики можно выявить основные стратегии поведения студентов в стрессовых ситуациях. В зависимости от того, как индивид понимает и воспринимает стрессовую ситуацию, будет выбран тот или иной стиль поведения в ней.

Исследование проходило в несколько этапов.

На первом этапе была подобрана методическая база для исследования, которая была представлена методикой «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант Т.А. Крюковой), благодаря которой можно выделить основные стили поведения студентов в стрессовых ситуациях.

На втором этапе были сформированы 3 группы студентов, они были разделены на разные этнокультурные группы (русские – 10 человек, татары – 10 человек и казахи – 10 человек).

Третий этап представлял собой прохождение выбранной методики студентами каждой группы.

На четвертом этапе проходила обработка результатов методики, выявление наиболее часто используемых стилей поведения в стрессовых ситуациях у каждой этнокультурной группы.

Пятым этапом было сравнение между стилями поведения каждой этнокультурной группы и составление качественного анализа полученных результатов.

На шестом этапе исследования были сформулированы выводы и подтверждение/опровержение поставленной гипотезы исследования.

Далее мы представляем результаты исследования.

Таблица 1 – результаты исследования методики у студентов русской этнокультурной группы.

№ п/п	Проблемно-ориентированный копинг	Эмоционально-ориентированный копинг	Копинг избегания	Субшкала отвлечения	Субшкала социального отвлечения
1	53	40	36	15	12
2	55	54	48	23	15
3	57	49	53	24	21
4	53	47	49	19	17
5	49	53	55	25	19
6	65	25	64	28	21
7	71	42	69	33	24
8	38	59	29	15	10
9	54	37	38	17	12
10	64	25	29	11	10

По результатам Таблицы 1 наиболее популярным стилем поведения в стрессовых ситуациях у русских студентов является проблемно-ориентированный копинг (55,9 %), направленный на решение задач, на втором месте находится копинг избегания (47 %), и менее выбираемым является эмоционально-ориентированный копинг (43,1%).

По результатам Таблицы 2 наиболее популярным стилем поведения в стрессовых ситуациях у студентов-татар является проблемно-ориентированный копинг, направленный на решение задач (55%), чуть менее выраженным является копинг избегания (54,7%), и менее выбираемым является эмоционально-ориентированный копинг (35,6%).

Таблица 2 – результаты исследования методики у студентов татарской этнокультурной группы.

№ п/п	Проблемно-ориентированный копинг	Эмоционально-ориентированный копинг	Копинг избегания	Субшкала отвлечения	Субшкала социального отвлечения
1	50	29	48	22	17
2	48	48	40	21	11
3	52	59	56	24	22
4	49	47	51	24	15
5	69	24	60	28	18
6	47	31	69	32	23
7	45	45	52	25	16
8	61	23	40	20	13
9	58	24	62	26	24
10	71	26	69	32	23

Таблица 3 – результаты исследования методики у студентов казахской этнокультурной группы.

№ п/п	Проблемно-ориентированный копинг	Эмоционально-ориентированный копинг	Копинг избегания	Субшкала отвлечения	Субшкала социального отвлечения
1	46	38	67	32	22
2	66	41	51	22	17
3	70	23	59	33	17
4	56	46	63	28	23
5	64	28	48	22	11
6	68	76	77	39	24
7	45	48	48	24	15
8	52	49	48	19	20
9	64	30	62	31	21
10	52	43	60	28	19

По результатам Таблицы 3 у студентов-казахов в одинаковой степени популярными являются проблемно-ориентированный копинг, направленный на решение задач (58,3%) и копинг избегания (58,3%), а менее выбираемым является эмоционально-ориентированный копинг (42,2%).

Рисунок 1 – Сравнение результатов методики

По результатам Диаграммы 1 можно сделать следующий вывод: наиболее предпочитаемым стилем поведения в стрессовой ситуации у всех этнокультурных групп является поведение, направленное на решение задач, менее предпочитаемым является эмоционально-ориентированный копинг. Это говорит о том, что все студенты, вне зависимости от этнокультурной группы, предпочитают конструктивную копинг-стратегию, предполагающую трезвую оценку стрессовой ситуации и решение задач без особых эмоций. Эмоциональное реагирование на трудности выражено в меньшей степени, что может говорить о высокой рациональности и прагматизме студентов. Таким образом, проанализировав результаты исследования, можно сказать, что у всех студентов присутствует четкое понимание концепта «стресс».

По результатам Диаграммы 1 также можно сказать о том, что наиболее ярко выражены проблемно-ориентированный копинг и копинг избегания у казахской этнокультурной группы, менее выражено использование проблемно-ориентированного копинга у русской этнокультурной группы; копинг избегания у татарской этнокультурной группы выражен меньше, чем у казахской, однако больше, чем у русской этнокультурной группы. Эмоционально-ориентированный копинг наиболее ярко выражен у русской этнокультурной группы, у казахской этнокультурной группы данный стиль поведения выражен меньше, чем у русской этнокультурной группы, однако больше, чем у татарской этнокультурной группы. Это может говорить о том, что студенты русской этнокультурной группы в стрессовой ситуации ведут себя более эмоционально, чем студенты татарской и казахской этнокультурных групп.

Была проведена корреляция Пирсона между ответами этнокультурных групп в программе SPSS по сырым баллам методики, в следствие чего получены следующие результаты.

Корреляции

		Русские	Татары
Русские	Корреляция Пирсона	1	,744
	Знач. (двухсторонняя)		,466
	N	3	3
Татары	Корреляция Пирсона	,744	1
	Знач. (двухсторонняя)	,466	
	N	3	3

Рисунок 1 – корреляция между этнокультурными группами русские и татары

По результатам Рисунка 1 корреляция между ответами этнокультурных групп русские и татары равна 0,744 – сильная положительная связь ($0,70 < r \leq 1,00$).

Корреляции

		Русские	Казахи
Русские	Корреляция Пирсона	1	,735
	Знач. (двухсторонняя)		,475
	N	3	3
Казахи	Корреляция Пирсона	,735	1
	Знач. (двухсторонняя)	,475	
	N	3	3

Рисунок 2 – корреляция между этнокультурными группами русские и казахи

По результатам Рисунка 2 корреляция между ответами этнокультурных групп русские и казахи равна 0,735 – сильная положительная связь ($0,70 < r \leq 1,00$).

Корреляции

		Казахи	Татары
Казахи	Корреляция Пирсона	1	1,000**
	Знач. (двухсторонняя)		,009
	N	3	3
Татары	Корреляция Пирсона	1,000**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,009	
	N	3	3

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Рисунок 3 – корреляция между этнокультурными группами казахи и татары

По результатам Рисунка 3 корреляция между ответами этнокультурных групп казахи и татары равна 1,00 – сильная положительная связь ($0,70 < r \leq 1,00$).

Таким образом, исходя из результатов Рисунка 1, Рисунка 2 и Рисунка 3, можно сделать вывод: между тремя рассматриваемыми этнокультурными группами обнаружена сильная положительная корреляционная связь. Основным выводом исследования свидетельствует о том, что понимание концепта «стресс» и дальнейший выбор копинг-стратегий зависит от принадлежности студента к определенной этнокультурной группе.

Список литературы

1 Волкова, Е. В. Кросс-культурные особенности организации концепта «стресс» и совладания в период ранней взрослости / Е. В. Волкова, И. О. Куваева // Мир психологии. – 2019. – № 4(100). – С. 137-150;

2 Волкова, Е. В. Мера иерархичности концепта Стресс и совладающее поведение у первокурсников разных культур / Е. В. Волкова, И. О. Куваева // Сибирский психологический журнал. – 2022. – № 86. – С. 48-65;

3 Гущина, Т. В. Культура, стресс и копинг: влияние социокультурного контекста на выбор типа совладания / Т. В. Гущина, Т. Л. Крюкова, О. А. Екимчик // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20, № 4. – С. 73-81;

4 Куваева, И. О. Учебно-профессиональные и национальные ресурсы преодоления трудных ситуаций / И. О. Куваева, И. Р. Абитов // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : Материалы IV Международной научной конференции: в 2-х томах, Кострома, 22–24 сентября 2016 года / Ответственные редакторы: Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Том 1. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 218-220;

5 Куприянов, Р. В. Психодиагностика стресса: практикум / сост. Р. В. Куприянов, Ю. М. Кузьмина // М-во образ. и науки РФ, Казан. гос. технол. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2012. – 212 с.;

6 Панченко, Л. Л. Диагностика стресса : Учебное пособие / Л. Л. Панченко. – Владивосток : Морской государственный университет имени адм. Г.И. Невельского, 2005. – 35 с.;

7 Тучина, О. Р. Самопонимание этнокультурной идентичности в разных условиях бытия этнической группы / О. Р. Тучина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 256-259.